ШТЕРН РОМАН ИГОРЕВИЧ

НЕДЕЛЯ НОРМАЛЬНОЙ ЖИЗНИ

КРИТИЧЕСКАЯ СРЕДА.
КНИГА ТРЕТЬЯ

Иногда самое важное расследование начинается с обычного опоздания.

18+

Роман Штерн

Неделя нормальной жизни

«Автор»
2026

Штерн Р. И.

Неделя нормальной жизни / Р. И. Штерн — «Автор», 2026

Семь дней, за которые автобусы должны начать приходить вовремя. Для жителей Рудничного это возможность успеть на работу, добраться до врача и встретиться с близкими. Для Ирины Шаховой и Дарьи Белых — шанс наконец предложить работающую альтернативу. Первые поездки подтверждают успех. Но за пределами опытного участка люди всё чаще остаются на остановках, а в ремонтных журналах накапливаются вопросы. До решения о финансировании остаётся сорок восемь часов. Чтобы защитить город, героям, возможно, придётся остановить собственный удачный проект. Третья книга цикла «Критическая среда».

© Штерн Р. И., 2026
© Автор, 2026

Содержание

От автора 5
Глава 1. Можно успеть 6
Глава 2. Сорок восемь 14
Глава 3. Конечная 21
Глава 4. Чужое свободное время 28
Глава 5. Первый понедельник 36
Глава 6. Без запасного часа 44
Глава 7. Та же машина 51
Конец ознакомительного фрагмента. 52

Роман Штерн
Неделя нормальной жизни

От автора

Чтение не всегда начинается в тишине и с запасом свободного времени: порой для него приходится немного потеснить обычные дела. Спасибо, что Вы нашли такую возможность для этой книги. Я не знаю, как устроен Ваш день, но понимаю, что его часы не становятся длиннее от появления ещё одного занятия. Поэтому мне по-настоящему дороги и Ваше внимание, и доверие, с которым Вы открываете первые страницы. Пусть время, проведённое здесь, останется в памяти не как ещё одно сделанное дело, а как что-то хорошее для себя.

Глава 1. Можно успеть

Автобус, на который Ирине нужно было пересесть, отходил от остановки по другую сторону перекрёстка. До него оставались красный свет и закрытая дверь её собственного автобуса.

Женщина впереди подняла руку, словно водитель за двумя рядами машин мог её увидеть.

— Вот он. Нам бы только выйти.

Водитель не ответил. Подъехал к бордюру, дождался, пока легковая машина освободит край площадки, и открыл двери. Ирина спустилась последней: мужчина с тележкой перед ней осторожно ставил колёса на мокрый асфальт. За перекрёстком автобус уже убрался от остановки. На заднем стекле ещё можно было прочитать номер.

Женщина пошла к переходу быстрым, сердитым шагом, потом остановилась. Бежать было не за чем.

Ирина достала телефон. На дорогу через Яру она оставила лишние двадцать минут. На северном подъезде к мосту Металлургов меняли покрытие, и две полосы сходились в одну; затем автобус долго стоял у техникума, пропуская поток машин. Ничего чрезвычайного. Все три моста работали. Город не был отрезан от самого себя. Просто запас времени закончился раньше дороги.

За стеклом остановочного павильона висело расписание. Следующий автобус должен был прийти через одиннадцать минут. Электронная строка показывала семнадцать, потом погасла и оставила только название остановки.

— Он вообще будет? — спросила женщина.

Мужчина с тележкой посмотрел на расписание.

— Вчера этот не пришёл. Но вчера четверг.

— А сегодня что ему мешает?

— Не знаю.

Он произнёс это без раздражения и отодвинул тележку, чтобы к скамье могла пройти девушка с большим чертёжным тубусом. Та уже разговаривала по телефону:

— Попроси, чтобы мои детали пока не принимали. Я здесь застряла… Нет, я не проспала. Я на пересадке.

Двое мужчин сверились с картой и ушли пешком. Женщина тоже достала телефон, послушала ответ и сказала:

— Ладно. Отмечай меня как опоздавшую. Потом разберёмся.

Ирина могла пройти наверх: около получаса вдоль мастерских, затем короткий подъём. Мужчине с тележкой пришлось бы идти дольше. Он вынул из кармана сложенный пакет, постелил на мокрую скамью и сел.

Она набрала Веру.

Ответ утонул в шуме грузовика. Справа, под слуховым аппаратом, тонко звенело; шум дороги и голос дочери слились в одно неровное гудение. Ирина повернулась к стеклянной стенке павильона, перенесла телефон к левому уху.

— Повтори. Не разобрала.

— Ты где?

— У техникума. Пересадка ушла. На табло пусто.

— Я до двенадцати десяти. Потом в школу.

— Предупреди остальных. Минут на пятнадцать сдвинем.

— Остальных могу предупредить. Удлинить встречу не могу.

— Поняла.

Прежде Ирина сказала бы: «Постарайся задержаться». Фраза уже была готова, привычная и вполне рабочая. Она посмотрела на женщину, которой только что поставили опоздание, и убрала телефон.

На этой остановке Ирина была человеком с переносимой встречей. Её ждали не у проходной и не у станка, который нельзя оставить без сменщика.

Она открыла транспортное приложение. Карта предложила вернуться на две остановки, перейти к другому маршруту и добраться на семь минут быстрее. Возле расчётного времени мелко стояло: «Без учёта задержек». Вариант пешком был надёжнее, но автобус мог прийти раньше.

— Вам далеко? — спросила она мужчину с тележкой.

— До верхнего рынка. Там ещё пройти немного.

— Я тоже наверх.

— Тогда вам сорок второй. Если не передумали.

Он кивнул на телефон. Ирина убрала его.

Дождя уже не было, но с крыши павильона капало на плечо куртки. Во вторую осень после той зимней аварии она всё ещё иногда проверяла погоду, как будто каждый прогноз предназначался лично её смене. Постоянных смен у неё давно не было. В «Резерве» хватало своих сроков, запросов и чужих дежурств, на которые их приглашали без права распоряжаться людьми.

Электронная строка ожила: девять минут.

— Семнадцать уже были, — заметила женщина.

Никто не ответил. Девушка с тубусом отошла от остановки, оглянулась и вернулась. Мужчина поправил пакет под собой. Ирина осталась рядом с ним.

Автобус появился через тринадцать минут. Люди поднялись, не успев договорить. Водитель открыл обе двери; мужчина с тележкой пропустил выходящих, и Ирина придержала створку его пустого складного ящика, чтобы она не цеплялась за поручень.

На верхней улице она вышла на двадцать две минуты позже, чем собиралась. Телефон предложил оценить поездку.

Ирина закрыла уведомление. Ей сначала хотелось закончить её.

***

В комнате совета домов пахло влажными куртками и клеем. У стены сохли листы с детскими рисунками: в соседнем помещении готовили выставку. Вера сидела за столом в школьной блузке, поверх которой накинула расстёгнутую куртку. Рядом лежали журнал обращений, стопка проверенных тетрадей и яблоко.

— У нас двадцать четыре минуты, — сказала она. — Чай не делала.

— Правильно.

Встречу назначили ещё во вторник. Теперь двое уже ушли, оставив записки. Остались женщина из дома над рынком и мужчина в куртке ремонтной мастерской. Ирина извинилась, села и положила телефон экраном вниз.

— Я сведения по отменам посмотрела, — начала она. — Для запроса не хватает дат в трёх обращениях. Если собрать—

Вера придвинула к ней лист.

— Здесь даты. Но мы не ради ещё одной папки.

На листе было написано: «Смена в 06:30». Ниже — два времени отправления и зачёркнутый вариант с пересадкой.

— У Тамары Петровны дочь работает на фасовке, — сказала Вера. — Автобус по расписанию довозит её за восемнадцать минут до смены. Если его нет, следующий уже поздно. Она выходит на сорок минут раньше и всё равно не знает, успеет ли.

— Я могу запросить исполнение этих рейсов.

— Запроси. А в понедельник ей как ехать?

Тамара Петровна сняла очки.

— Она не просит чаще. Пусть скажут, какой точно идёт. Мы бы под него вставали.

— Точно я вам сейчас не скажу, — ответила Ирина.

— Вот это уже сказали, — произнёс мужчина. — Несколько раз.

Он не повышал голоса. На большом пальце у него был полосатый тканевый пластырь, край отклеился. Мужчина прижимал его к столу, пока говорил.

Ирина подвинула лист ближе. Ей хотелось объяснить, что отчёт о выполнении и причина отмены — разные сведения, что без них нельзя разумно менять задание. Всё это оставалось верным. Но ни одно объяснение не помогало женщине выбрать время будильника.

— Сегодня я еду к заказчику, — сказала она. — По отдельному испытанию. Семь дней, с понедельника. Пока только проект.

— Про который в чате написали? — спросила Тамара Петровна. — Там ещё было, что до Рамповой вернут.

— Нет, — сказала Вера. — Это кто-то добавил в пересказе. Речь про действующие маршруты наверху.

Она развернула карту. Верхняя часть Рудничного была отмечена жёлтым; ниже, у четырёх домов Рамповой, стояла серая штриховка.

— Доступ туда оформляют отдельно. Автобусный опыт его не открывает. И закрытые вводы от него не становятся действующими.

За полтора года после паводка на карте появилось немало новых пометок. По одним адресам люди получили расчёты и уехали окончательно, по другим продолжались проверки. Изменения помогли разделять помощь, перевозку и жилищное решение хотя бы в отдельных случаях. Но верхний рынок, школа и мастерские жили по прежним автобусным неопределённостям.

— Нам вниз не надо, — сказал мужчина. — Нам бы отсюда вечером выехать. Ремонт заканчиваем в восемь, потом стоим.

Ирина записала время.

— Я бы дождалась сверки нынешнего выпуска. Несколько проверок ещё не закончены.

Вера посмотрела на часы.

— Дочь Тамары Петровны в понедельник начинает в половине седьмого. Не после сверки.

— Я не предлагаю ей ждать дома.

— Я знаю. Ты предлагаешь правильную последовательность. В неё её понедельник не помещается.

Ирина подняла глаза. Дочь смотрела устало, без торжества. У неё тоже был следующий урок, до которого ещё требовалось доехать.

— Тогда сегодня выясню, что они готовы изменить до запуска. Без обещания, что запустят.

— И кто ответит, если нужного рейса не будет, — добавила Вера. — Не через месяц.

Они успели разобрать ещё две поездки. Мужчина оставил номер обращения и разрешил связаться с ним после работы. Тамара Петровна попросила не звонить дочери во время смены: сообщения та прочитает на перерыве.

Когда они ушли, Вера переложила тетради в сумку.

— Ты ела? — спросила Ирина.

— Да.

— Я не проверяю. Хотела предложить по дороге.

— У меня сегодня консультация, потом совет. В другой день.

Вера взяла яблоко, посмотрела на него и протянула матери.

— Это тебе. Я его с утра ношу.

— Мне теперь нести до вечера?

— Можешь применить по назначению.

Ирина положила яблоко в карман.

У двери Вера остановилась, отвечая на сообщение.

— Оксана спрашивает, не заеду ли во вторник. Надо померить ткань на новые чехлы. Я уже второй раз переношу.

— Из-за работы?

— Из-за дороги тоже. К ней успеваю, а потом обратно всё с запасом. Получается, на полчаса дела весь вечер отдаёшь.

Ирина помогла ей расправить зацепившийся ремень сумки. Не стала предлагать машину, которой у неё сегодня не было.

— Если будет понятная пересадка, съездишь?

— Если будет, я смогу сказать ей время. Вот и всё.

***

У муниципального транспортного заказчика окна выходили на стоянку служебных автомобилей. Ирина села боком к вентиляционной решётке: ровный свист мешал слышать человека через стол. Елена заметила, подождала, пока она переставит стул, и только потом открыла блокнот.

На столе стояла табличка с именем Сергея Аркадьевича Кравцова. Директор перевозчика оказался сухощавым мужчиной с негромким голосом и привычкой выравнивать бумаги по краю папки. Пока собирались участники, он отвечал кому-то в телефоне:

— Нет, не обещайте замену, пока вам её не подтвердили. Сначала получите ответ из парка.

Нечаев вошёл без сопровождающих, положил очки рядом с проектом программы.

— Коллеги, нам нужно принять решение о подготовке. Не о красивом докладе по итогам, — сказал он. — Дату вы знаете. В понедельник можно начать отдельный семидневный опыт.

На схеме выделили два маршрутных плеча верхнего Рудничного. Снизу было оставлено крупное примечание: границы доступа к нижней Рамповой не меняются.

— Это не новый перевозчик и не новая сеть, — продолжил Нечаев. — Мы проверяем другой порядок работы: интервалы, пересадки, понятные сообщения пассажирам. Обращения должны попадать к тому, кто может изменить решение в текущей смене. Наблюдения — независимо от перевозчика. То, что покажет пользу, будем сохранять.

Дарья сидела напротив Ирины. Рядом с ноутбуком у неё лежала схема с собственными пометками. Она не открыла обычную папку разногласий, которую приносила почти на каждую такую встречу.

— Сохранение полезного не должно означать сохранение всего варианта, — сказала она. — Нам нужно будет менять отдельные решения по ходу недели.

— В пределах программы, — уточнил сотрудник заказчика.

— Да. И сохранять причины изменений.

Кравцов придвинул схему к себе.

— Действующий выпуск обеспечиваем. Но я прошу не писать в сообщении, что автобусов станет больше. Они появятся на остановке ровнее, если получится с регулированием. Это другое.

— Постоянного сокращения ожидания для каждого пассажира мы тоже не обещаем, — сказала Дарья. — Иногда автобус придётся задержать на контрольной точке, чтобы после двух машин подряд не было пустого промежутка.

— И пассажиры в нём будут ждать? — спросила Ирина.

— В пределах установленного времени. Не где угодно и не сколько угодно.

— Тогда предел должен видеть и водитель.

Дарья повернула ноутбук. На экране был короткий список условий, без цветных шкал: где допускается удержание, как сообщают о задержке, кто принимает возражение.

— Это как раз нужно согласовать со сменой, — сказала она. — До понедельника, не на ходу.

Ирина прочла. Ей понравилось, что под вопросом о несостоявшейся пересадке оставалось пустое поле, а не готовый ответ модели.

— Кто выпускает машину?

Кравцов поднял голову.

— Наша уполномоченная техническая служба. Как и сейчас.

— Кто меняет задание водителю?

— Диспетчер. В рамках утверждённой работы.

— Если расчёт предлагает одно, а водитель говорит, что не выполнит без нарушения?

— Сначала безопасное действие, потом разбор, — ответил Кравцов. — У водителя инструкции остаются. Ваш расчёт их не отменит.

— А требование прекратить опыт кто рассматривает?

Нечаев посмотрел на Елену. Та дождалась, пока секретарь закончит записывать.

— Заказчик должен назначить получателя и срок рассмотрения, — сказала она. — Сейчас в проекте есть право направить заключение, но нет понятной процедуры ответа. «Резерв» не распоряжается перевозчиком. Мы можем потребовать рассмотрения риска, зафиксировать несогласие, отозвать свою рекомендацию. Остановить выпуск вместо технической службы или утвердить другую сеть мы не можем.

— Никто таких полномочий вам не передаёт, — сказал Нечаев.

— Тогда это нужно прямо написать. Чтобы после первого разногласия не выяснилось, что всё было общественным управлением.

Кравцов перестал ровнять бумаги.

— Я тоже за то, чтобы написать.

Нечаев надел очки и отметил пункт в проекте.

— Программу утверждает заказчик. Технический допуск остаётся за перевозчиком. Ваше экспертное заключение отдельно. Процедуру срочного рассмотрения добавляем.

— И источник ресурса, — сказала Ирина.

— План предоставим, — ответил Кравцов. — Он подготовлен.

Дарья подвинула к нему свой лист.

— Мне нужны не только машины на каждом направлении. Время оборота, сменные назначения, перерывы, обслуживание. Если это в разных приложениях, пусть будут разные. Но со ссылками.

— Часть уже отправили.

— Получила. По времени возврата есть вопросы. Мы после встречи можем остаться?

— На двадцать минут.

Дарья посмотрела на часы и кивнула. В её голосе появилась деловая быстрота, которую Ирина давно слышала только во время поисков ошибки. Сейчас Дарья обсуждала, где ждать пассажиров и как не потерять следующую поездку.

Нечаев вернулся к списку участников.

— Наблюдатели Веры Андреевны готовы?

— Она даст ответ за согласившихся людей, — сказала Ирина. — Не за всю сеть и не за все часы.

— Нам нужно независимое подтверждение результата.

— Значит, нужно узнать, что они могут проверить.

Секретарь исправила строку. Ирина заметила, как легко в проекте возникало полное покрытие из одного имени.

Совещание закончилось без подписания программы. Заказчик оставил за собой окончательное решение после проверки приложений. Елена забрала проект с замечаниями; Дарья осталась с Кравцовым у схемы.

У двери Нечаев остановил Ирину.

— Вы считаете, это стоит делать?

Она посмотрела на людей за столом. Кравцов объяснял Дарье, почему нельзя переставить один возврат на десять минут раньше. Та слушала, ведя пальцем по линии маршрута.

— Стоит готовить, — ответила Ирина. — Запуск пока не проверили.

— Горожанам нужна определённость.

— Мне сегодня тоже была нужна.

Нечаев слегка поднял брови.

— Не успели?

— На пересадку. Оба рейса, возможно, выполнены. Поездку я закончила с опозданием.

Он помолчал, затем кивнул в сторону Дарьи:

— Внесите это в измерение результата.

— Она уже внесла.

***

В депо № 3 Тимур поставил чайник на стол и не включил.

— Принтер ещё работает? — спросил он.

— Последний лист, — ответила Елена.

— Тогда чай после документов. Одновременно у нас не согласовано.

Из-под стола вышел тёплый лист, за ним второй. Елена подняла их.

— Последний оказался приложением.

— У приложений свой лимит, — сказал Тимур и щёлкнул выключателем чайника.

В мастерской за перегородкой закрывали ящик с инструментом. Кто-то протащил по полу шланг, потом наступила вечерняя тишина, в которой слышались вода и слабое потрескивание старого светильника.

Ирина сняла куртку. В кармане нашлось Верино яблоко. Она вымыла его в маленькой раковине, разрезала лежавшим у хлеба ножом и поставила блюдце посреди стола.

Дарья пришла последней, с ноутбуком и ещё одной папкой.

— По двум возвратам договорились проверить время на месте. По одному пока не сходится.

— Значит, пока не сходится, — сказала Ирина. — Садись.

Дарья отодвинула чашку от бумаг.

— Мы можем дать им меньше разрывов в движении. Не чудо. Но ощутимо меньше. Если не заставлять автобусы догонять расписание там, где уже нужен другой интервал.

— Ты сейчас за что предлагаешь нам подписаться? — спросила Елена.

— За проверку варианта. Потом — за рекомендацию, если вариант выдержит.

— А оценивать его будем тоже мы, — сказал Тимур.

Дарья взяла дольку яблока, но не съела.

— Да.

Ирина ждала продолжения. В прежних разборах они обычно входили в чужую уже случившуюся ошибку. Можно было спорить о выводах, полноте сведений, допустимости проверки. Но сам прорыв, ложный акт или неучтённая потребность существовали до них. Теперь на столе лежало предложение, которое без их участия могло не состояться.

— Если мы не участвуем в работе, — сказала Дарья, — у нас каждый раз будет только заключение о том, как не надо было делать.

— Это не причина подписать то, чего не проверили.

— Я не прошу. Я хочу наконец проверить то, что можно делать. Например, перестать считать поездку удачной только потому, что автобус вышел из парка.

Она развернула чистый лист.

— Человек пришёл на остановку. Дождался. Смог войти. Пересел, если нужно. Доехал до места в подходящее время. Мы не узнаем это про всех. Но можем выбрать проверяемые поездки и учитывать срывы, а не только успешные ответы.

— Если человек не дождался и ушёл? — спросил Тимур.

— Это тоже результат. Только надо знать, сколько ждал и что ему обещали.

Ирина рассказала про остановку у техникума. Без вывода о том, какой рейс отменили: она этого не знала. Дарья записала отдельно расписание, показания табло и фактический приход автобуса.

— Девушка могла успеть по другому пути, — сказала она.

— Могла. Но мы не знаем.

Дарья перечеркнула начатую стрелку.

Елена раскрыла проект.

— Нам нужны условия прекращения поддержки. До того, как появятся хорошие цифры.

— Недостоверные исходные сведения, — сказала Ирина. — Невозможность проверить ресурс. Нарушение обязательных ограничений. И порядок действия, если перевозчик с нашим выводом не согласен.

— Сам выпуск мы не прекращаем, — напомнила Елена.

— Я помню. Но нашу фамилию под рекомендацией оставлять не обязаны.

Тимур налил чай. Чашку Дарьи поставил на свободный стул рядом: на столе места уже не было.

— А если получится, но только пока все мы сидим у них над душой?

— Тогда стоимость нашего присутствия тоже придётся записать, — сказала Дарья.

— Удобно. Наконец-то у меня появится строка.

Ирина усмехнулась. Потом подтянула к себе рабочий блокнот.

— Я согласна рекомендовать подготовку. Ресурс проверяем, полномочия записываем, условия остановки — до начала. Это не разрешение на понедельник.

Елена внесла формулировку.

— Расчётная часть моя, — сказала Дарья. — С пределами того, что можно доказать за неделю.

— И не будем выбирать только удобные часы, — добавил Тимур.

— Наблюдения согласуем с Верой отдельно, — ответила Ирина. — У неё не бесконечная смена.

Она открыла сообщение дочери. Вера прислала исправленный лист с ранними поездками и короткую приписку: «Завтра после уроков могу сорок минут. В воскресенье до обеда не могу».

Ирина ответила, что сорок минут подходят. Затем вернулась к блокноту. Между условиями участия оставалось место. Она написала: «Улучшение внутри участка не обеспечивать неоговорённым ухудшением на других направлениях».

Дарья прочла через стол.

— Это нужно будет проверять шире самого пилота.

— Да.

— Наших наблюдателей на всё не хватит.

— Тогда выясним, чем ещё проверять. Не будем считать, что за границей никто не ездит.

Елена попросила лист для поправок к программе. Ирина подвинула блокнот, оставив запись открытой.

На принтер пришло новое задание. Тимур оглянулся на чайник, уже выключившийся, и пропустил печать. Дарья подняла первые страницы: ресурсный план перевозчика, перечень приложений, даты подготовки. Проверила, не осталось ли листов в лотке, и положила комплект между ними.

Ирина придвинула лампу. Впервые за день перед ней было не время, к которому она опоздала, а время, которое они собирались пообещать другим. Под него предстояло найти в плане машины, смены и работу, которую нельзя было отложить только ради удачной недели.

Глава 2. Сорок восемь

Шесть автобусов на плане были закрашены серым. Дарья щёлкнула по одному, ожидая увидеть дату возвращения, и получила отдельное окно: «Срок уточняется по завершении работ».

— В понедельник его не будет, — сказала женщина из производственного отдела. — В расчёт не ставьте.

— Я и не ставлю. Хочу понять, почему он входит в доступный парк.

— В списочный, — поправила женщина и развернула к ней бумажный лист. — Вот заголовок. Сорок восемь списочных.

В комнате перевозчика было жарко. Окно приоткрыли, но за ним прогревался автобус, и сотрудница вскоре закрыла створку. Внизу, у ворот, светились красные фонари. Дарья видела их над верхним краем ноутбука: две неподвижные точки, потом ещё две, медленно уходившие в сторону.

Она исправила название столбца в рабочей копии.

— Сорок на линии. Шесть в обслуживании и ремонте. Два в оперативном резерве.

— Да.

— Восемь для опыта — из этих сорока.

Кравцов, стоявший у шкафа с папками, подошёл к столу.

— Не сорок плюс восемь. Мы это ещё днём говорили.

— Говорили. Я проверяю, что посчитала то же самое.

Она выделила восемь строк, затем остальные тридцать две. Сумма сошлась. У резервных машин не было регулярного задания: их время нельзя было заранее разложить по остановкам, как свободные минуты в расписании.

— Если одна из восьми сойдёт? — спросила Дарья.

— Подмена из резерва после допуска. С записью причины и времени. Если резерв уже занят, решает диспетчерская с заказчиком.

— То есть восемь — план, не обещание восьми исправных в каждую минуту.

Кравцов потёр щёку.

— Дарья Сергеевна, мы сейчас до того договоримся, что вообще ничего обещать нельзя.

— Можно обещать, что сообщим об изменении. И не будем считать подмену бесплатной.

Сотрудница производственного отдела придвинула следующий лист.

Внизу стояло: «Штатные сменные назначения в сутки — 80».

Дарья написала рядом на своей копии: «Не часы».

— Это две смены на каждый линейный выход?

— По основному плану. Есть разрывные графики, есть смена водителя на маршруте. Раскладка в приложении.

— Восемьдесят человек?

— Нет. Назначений. Люди по графику, с выходными и заменами.

Дарья открыла приложение. Ей хотелось одним движением связать каждую машину с рабочим временем, но поле водителя содержало служебный код, а начало и конец обозначали плановое назначение, не всю работу. Предрейсовые процедуры, возвращение, отдельные поручения учитывались в другом месте.

— Для расчёта беру интервалы назначения. Для проверки расхода нужны фактические часы.

— Трудовой учёт выдадим по согласованному запросу, — сказал Кравцов. — Личные данные не в общий доступ.

— Мне фамилии на схеме не нужны.

Он сел напротив. Стул оказался слишком низким; Кравцов немного отодвинул его и положил локти на стол.

— Покажите лучше, что мы получим. Не весь город. Вот этот вечерний хвост, который у вас не сходился.

Дарья вывела два маршрутных плеча. Вчера поздний возврат съедал время следующего отправления. Она не добавляла автобус: перенесла место регулирования и отказалась от одного слишком тесного соединения, пока оставив его на полевую проверку.

На экране две линии подходили к одной остановке почти вместе. Потом между ними возникал длинный пустой промежуток.

— Сейчас оба стараются исполнить своё время по листу. Второй догоняет первого, забирает немного пассажиров и уходит вслед. На следующем круге пустота остаётся.

— Это мы знаем, — сказал Кравцов.

— Здесь можно перестать догонять. Удержать второй на разрешённой точке, предупредить пересадку. Но пассажиры, уже сидящие внутри, тоже потратят время. Я включила его в результат.

Она передвинула отметку отправления. Длинный разрыв сократился, короткий стал больше. В одном из вариантов пассажир, пришедший сразу после первого автобуса, выигрывал; в другом человек, уже ехавший во втором, добирался позже.

— Значит, ожидание уменьшится? — спросил Кравцов.

— Большие провалы могут стать реже. Для каждого пассажира и на каждом рейсе — нет.

— Так на остановке не напишешь.

— Напишите, что проверяем понятный интервал и согласованные пересадки. И будем сообщать, когда не получается.

Он посмотрел на линии.

— Людям нужен ответ, во сколько они доедут.

— Мне тоже. Поэтому завтра надо пройти соединение и измерить посадку. Пока это расчёт.

За окном автобус у ворот погасил фонари. Сотрудница производственного отдела посмотрела на часы, но не поднялась.

Кравцов взял распечатку.

— Хорошо. «Сократить длительные ожидания». Без «для всех». Но вы дайте мне пределы удержания, а не только замечания к обещаниям.

Дарья кивнула. Это был вопрос, на который она могла ответить работой, а не оговоркой.

***

Утром Карева уже открыла расчётный модуль, когда Дарья подключилась к рабочему экрану в комнате заказчика. На столе рядом лежал свёрнутый шарф; от дороги у Дарьи ещё слезились глаза.

— Вы убрали вечернее соединение? — спросила Карева.

— Из обязательных. До проезда.

— Верно. Там запас съедает одна долгая посадка.

На экране не было городской панорамы, только схема, ограничения и журнал изменений. Дарья помнила демонстрационные залы «Свода», где любой результат выглядел завершённым прежде, чем задавали первый вопрос. Здесь можно было открыть строку и увидеть, из чего она получилась.

— Сразу договоримся, — сказала Карева. — Ни новых машин, ни штатных смен не будет. Мы даём расчётную поддержку, не дополнительный выпуск.

— Я считала восемь из сорока.

— И не превращайте два резервных автобуса в девятый и десятый. Если они работают постоянно, это уже другой ресурс.

— Они исключены из регулярных назначений.

Карева проверила ограничение и перешла дальше.

Дарья показала форму результата: интервалы, длительность ожидания на выбранных точках, состоявшиеся пересадки. В нижней части оставалась новая строка.

— Сорванные поездки, — прочла Карева. — Как определяете?

— По наблюдению или обращению с проверяемыми обстоятельствами. Человек пришёл, ждал, не смог уехать или не успел на нужную пересадку. Отдельно причина и качество подтверждения.

— Если он передумал ехать?

— Не буду выдавать это за транспортный срыв.

— Если ушёл за минуту до автобуса?

Дарья помедлила.

— Запишем, сколько ждал, что обещало расписание и когда автобус пришёл. Его поездка всё равно не состоялась. Причина может быть не только в нашей схеме.

Карева подвинулась ближе к камере.

— Не вычитайте такие случаи из выполненных рейсов. Получите бессмысленную дробь.

— Я не собиралась. Это два результата рядом.

— Тогда оставляйте.

Дарья почувствовала знакомое облегчение: они снова могли обсуждать задачу без необходимости сначала защищать право на каждый вопрос. В этом согласии было что-то опасно приятное, но сейчас оно позволяло двигаться.

Она запустила трудный вечерний период. Модуль не предлагал ускоряться на дороге; он менял последовательность отправлений в разрешённых пределах. В одном варианте уменьшалась очередь на пересадке, зато задерживались пассажиры другого плеча. Карева попросила показать и его.

— Нельзя убрать все потери, — сказала она. — Можно сделать так, чтобы диспетчер видел, кому добавляет время.

— И чтобы пассажир мог возразить, если расчёт его поездку не видит.

— Это уже обработка обращения.

— Она включена в программу.

Карева не стала спорить. Дарья сохранила оба варианта и открыла происхождение входных данных.

Первый источник был простым: план выпуска перевозчика. Дальше ссылки разошлись. Ежедневный отчёт заказчику показывал общий выпуск и закрепление машин за направлениями. Фактические задания, включая перестановки в течение дня, оставались у диспетчера. Выполненные технические операции — в журналах службы перевозчика и внешнего сервиса. Полные рабочие часы — в трудовом учёте.

— В отчёте к утру будет видно, где машина ездила вечером? — спросила Дарья у сидевшего рядом специалиста заказчика.

Тот наклонился к экрану.

— Здесь — закрепление. По факту смотрим навигацию и задания.

— Автоматически связываете?

— Не в этой форме. Отдельно.

— А изменение пробега перед обслуживанием?

— У технической службы.

Карева молчала, пока Дарья открывала один источник за другим. Данные существовали. На каждой форме были ответственные, сроки, порядок исправлений. Но общий результат ещё нужно было собрать из ответов людей, которые не получали одни и те же листы.

— Вы хотите до понедельника сделать новый обмен? — спросила Карева.

— Я хочу к вечеру знать, сколько стоил хороший интервал.

— Тогда отличайте расчёт модуля от контроля перевозчика. Мы не удостоверяем его табели и ремонты.

— Я понимаю.

— Это разумное разделение. Иначе аналитик начнёт выдавать допуск автобусу по строке в таблице.

Дарья посмотрела на восемь выделенных машин. До минуты их движения она могла добраться уже сейчас. До полной цены этой минуты — только через несколько запросов.

Специалист заказчика открыл порядок уведомлений.

— Отклонения, влияющие на программу, передают сразу. Не ждут итоговой сверки. Подмены фиксируются.

Дарья прочла пункт дважды.

— Если ответственные сообщают, выборочно проверяем снаружи, а источники сохраняются — неделю можно провести, — сказала она. — Но я не назову ежедневную сводку полным балансом.

Карева кивнула.

— И не называйте.

Дарья оставила это ограничение прямо под таблицей. Удалять его ради удобного экрана никто не просил.

***

Елена принесла поправки в бумажном виде. Несколько страниц были скреплены чужой канцелярской скрепкой, слишком маленькой для всей пачки.

— Электронная версия та же, — сказала она. — Только здесь быстрее спорить.

Дарья отодвинула ноутбук. В комнате заказчика сменились люди: производственница уехала, Кравцов подключился по связи, вместо утреннего специалиста сел ответственный за исполнение транспортного контракта. На столе остались холодные чашки, и Елена сначала убрала их на подоконник.

В её редакции запрет внешнего ухудшения был длиннее Ирининой записи.

— «Без отдельного согласования заказчика», — прочёл Кравцов. — Мы в течение дня двигаем машины. Не будем на каждый поворот получать письмо.

— Поворот не согласовывайте, — ответила Елена. — Подмену регистрируйте. Если меняются объём или время обслуживания другого направления — это отдельное решение. Не следствие того, что здесь опыт.

— А если там затор, а здесь машина свободна?

— Укажите причину и срок. Программа не запрещает регулирование.

Дарья вывела рядом две строки: назначенное направление и фактическое задание.

— Сохраните обе. И начало с окончанием подмены. Иначе потом я увижу только то, к кому автобус приписан.

Ответственный заказчика сделал пометку.

Следом шёл контроль рабочего времени. Кравцов предложил оставить ссылку на действующие требования, без повторения их в программе. Елена согласилась не переписывать нормы, но сохранила обязанность сообщать, если утверждённое расписание нельзя исполнить доступными сменами.

— Согласие водителя на дополнительную работу учитываете там, где оно требуется, — сказала она. — Ограничения отдыха от этого не исчезают.

— С этим никто не спорит.

— Тогда пункт остаётся.

Дарья листала до раздела остановки. Слова «прекратить испытание» звучали решительнее, чем устроенный под ними порядок. Экспертное требование поступало дежурному

заказчика и ответственному перевозчика; срочный риск рассматривали немедленно, с фиксацией решения. Техническая служба не ждала этого рассмотрения, чтобы отказать конкретной машине в выпуске. «Резерв» мог отозвать свою рекомендацию и потребовать ответа, но не отдавать команду водителю.

— А если мы не можем проверить ресурс, но прямого нарушения ещё не установили? — спросила Дарья.

Елена постучала ручкой по следующему абзацу.

— Приостановка нашей поддержки. Заказчик решает, может ли продолжать программу, и письменно указывает основание.

— Не задним числом.

— Это тоже здесь.

На несколько минут стало тихо. За дверью кто-то пытался пройти с большой коробкой; раздался короткий стук, затем просьба придержать дверь. Дарья смотрела на график выдачи документов.

— Можно всё-таки свести источники до запуска? Не ждать среды даже с первой выборкой.

Ответственный заказчика повернул к ней свой экран. На нём были перечень владельцев и пометки о доступе.

— План — сегодня. Фактические задания — после работы. Часы — после проверки смен. Сервис закрывает наряды у себя. Чтобы вы каждый день получали одно и то же, нужно согласовать форму, коды, получателей. Проверить, что мы не считаем одно действие дважды.

— Сколько?

— Не за эти выходные. На следующей рабочей неделе можно отладить. Без испытания либо одновременно с ним.

— Ручная сверка?

— Возможна. Назовите человека, которому дадим всё, и время, когда все уже подтвердят свои части.

Дарья не ответила сразу. Она могла собрать цифры ночью, но не могла сама удостоверить чужие часы или законченный ремонт. Елена тоже не могла. Их присутствие добавляло внимательности, не создавало ни полномочий, ни ещё одной смены в каждой службе.

— Тогда переносим старт? — спросил Кравцов.

Это не прозвучало угрозой. Он ждал решения, чтобы менять задания.

Дарья представила понедельник без нового порядка: те же машины, те же разрывы, уже согласованные с людьми наблюдения — отменённые до первой поездки. Затем снова посмотрела на уведомления об отклонениях. Отказ от запуска был возможен. Она не считала его единственным обоснованным выбором.

— Принимаю поэтапную сверку, — сказала она. — При сохранении исходных журналов и выдаче выборок в назначенные сроки. Отсутствие сообщения не считаем доказательством, что отклонений нет.

— Запишу, — сказала Елена.

— В среду сверяем первые два дня. Если не можем связать задания, машины и часы — не переносим вопрос молча на конец недели.

Ответственный заказчика вписал время. Техническая служба должна была отдельно подтверждать состояние работ и ограничения выпуска; их заключения не заменялись расчётной запиской Дарьи.

Она дописала свою часть перед отправкой: улучшение на исходном ресурсе расчётно возможно; устойчивость в течение всей недели не проверена. Предстартовый проезд и текущий контроль обязательны.

Елена прочла через стол.

— Это ваша рекомендация к запуску?

— При исполнении оставшихся условий. Да.

Дарья поставила подпись. Ей хотелось сохранить в формулировке возможность отступить, но не сделать её настолько условной, чтобы потом можно было сказать: она ничего не рекомендовала.

***

В административном пакете резервные автобусы назывались расходом на поддержание готовности.

Елена нашла строку не в программе испытания, а в ранней редакции распределения субсидии на следующий период. В столбце действующего состава стояло два. В предлагаемом — ноль.

Она положила лист рядом с ресурсным планом.

В комнате согласования было прохладнее, чем у транспортников. Секретарь открыла окно после предыдущего совещания и теперь собирала со стола оставленные стаканы. На стене висел календарь заседаний. Бюджетная комиссия была назначена на понедельник после семи дней опыта, в двенадцать.

— Это тот пакет, который пойдёт на комиссию? — спросила Елена.

Ответственный заказчика оторвался от телефона.

— Ранняя редакция. Ещё будут замечания финансового отдела.

— Исключение оплаты двух резервных машин остаётся предложением?

— Да.

— Тех самых двух, которые мы только что запретили считать регулярным выпуском?

Он взял лист, хотя Елена не закрывала пальцем строку.

— Речь не о списании автобусов. О составе оплачиваемых расходов. Перевозчик может содержать их иначе.

— Может — не значит обязан и обеспечен средствами.

Внизу страницы была ссылка на результаты предстоящего испытания как на одно из оснований уточнения ресурсной потребности. Елена подчеркнула её.

— До комиссии останется только утро после завершения недели.

— Предварительные результаты будут раньше.

— Предварительные. Это слово должно остаться и в бюджетном пакете.

На экране включился Нечаев. Он ещё разговаривал с кем-то вне камеры, затем повернулся.

— Елена Викторовна, что у нас задерживает согласование?

Она назвала страницу и строку.

— Экспертное заключение по программе не является согласием на исключение содержания резерва из финансирования. Прошу убрать общую ссылку на наше согласование из оснований этого предложения.

Нечаев снял очки.

— Мы обязаны рассматривать расходы. Город в целом не может оплачивать каждую страховку от каждого сбоя.

— Рассматривайте. Но мы не проверяли вариант без резерва.

— Если за неделю он не понадобится?

— Мы узнаем, что он не понадобился за эту неделю. В программе он есть и влияет на возможность поддерживать обслуживание при сходе машины.

Нечаев помолчал, держа очки за дужку.

— Вы предлагаете не учитывать результат?

— Учитывать тот результат, который получим. Не другой.

Ответственный заказчика показал на своём экране место исправления. Нечаев прочёл.

— Разделите решения. Программу утверждаем отдельно. На комиссию готовьте заключение с ограничениями. Вопрос резерва не снимаю.

— Я не прошу снять вопрос. Прошу не считать его уже согласованным.

После отключения связи в комнате несколько секунд слышалось только, как секретарь складывала стаканы один в другой.

Елена внесла оговорку в сопроводительный лист, а ранний бюджетный проект попросила сохранить с номером редакции. Он ещё мог измениться. Именно поэтому ей была нужна эта версия, а не будущий итог.

Утверждение программы заняло ещё полчаса. Заказчик подписал границы опыта, порядок изменения заданий и рассмотрения риска. Перевозчик — ресурсный план и свои обязанности. Технический допуск каждой машины оставался за уполномоченной службой; предстоящий контрольный проезд не заменял его. Экспертное заключение «Резерва» лежало отдельным документом, с условиями готовности к понедельнику.

Вера подтвердила получение части, касавшейся наблюдений. Сроки и состав людей ей ещё предстояло согласовать; программа не записывала добровольцев в круглосуточную службу. Сообщения с других направлений принимались тем же получателем, что и сообщения из пилота, хотя сплошного внешнего наблюдения никто не обещал.

Елена открыла свой пронумерованный журнал. На предыдущих страницах остались давние передачи, новые запросы и несколько пометок о ещё не полученных ответах. Она не заводила для хорошего начинания чистую тетрадь.

Записала источник, время, состав приложений. Сверила контрольные суммы электронных копий с перечнем отправки, дождалась подтверждения хранения у муниципального оператора. Рабочий файл Дарьи сохранили отдельно от утверждённого исходного плана.

В расписании последующих выдач стояли фамилии и сроки. Диспетчерская, техническая служба, трудовой учёт, заказчик. Каждая обязанность имела владельца. Елена провела взглядом по строкам, пытаясь найти человека, который к концу каждого дня получит всё сразу.

Такого назначения не было.

Она могла вернуть пакет ещё раз. Потребовать нового порядка до старта, принять перенос и объяснять его жителям вместе со всеми остальными. Вместо этого она подписала согласованную редакцию с поэтапной сверкой. Не по распоряжению Нечаева — он не запрещал ей возражать. Она сама сочла достаточными закреплённые обязанности, срочные уведомления и право потребовать пересмотра.

Дарья заглянула в дверь за своим экземпляром.

— Утвердили?

— Да. С условиями проезда и готовности. Бюджетное решение отдельно.

Елена передала ей папку, оставив у себя лист со сроками. Дарья прижала бумаги локтем, чтобы убрать со стола шарф.

В исходном плане было сорок восемь машин. Ни одна не потерялась, ни одна не появилась дважды. Теперь эти строки предстояло наполнить отправлениями, возвращениями, часами людей и работами в ремонтных боксах.

— В среду первая общая сверка, — сказала Елена.

— Помню.

Она отметила дату и закрыла журнал. До понедельника оставался контрольный проезд. Его уже должны были готовить люди, чьи подписи стояли в другой части программы.

Глава 3. Конечная

Нина Колосова поставила сумку на сиденье за кабиной, но куртку пока не сняла.

— Вы со мной едете или меня проверяете?

— С вами. Проверяем схему.

— Тогда сумку вашу сюда. В проходе она у вас до первого торможения.

Ирина переставила сумку. У водительницы были короткие ногти, светлая полоска от кольца на пальце и запасные очки в жёстком футляре возле термоса. Она представилась полностью — Нина Викторовна Колосова, — сверила документы, убрала их в держатель и вернулась к рабочему месту.

На конечной пахло мокрыми листьями и выхлопом. Между автобусами шёл человек в оранжевом жилете, подбирая длинными щипцами мусор. У павильона уже стояли пассажиры, хотя до отправления оставалось несколько минут. Ирина машинально пересчитала их и остановилась на пятом: сегодня требовалось знать не число людей под навесом, а кто куда сможет доехать.

Нина проверяла машину в своей последовательности. На приборной панели гасли контрольные огни, открывались и закрывались двери. Ирина дождалась, пока водительница закончит, и только потом спросила, где удобнее встать наблюдателю.

— Во время движения — сесть. На остановке увидите отсюда.

Технический допуск был оформлен до приезда Ирины. Подписи в путевом листе она не касалась.

В маленькой диспетчерской у выхода на площадку Светлана Юрьевна Миронова раскладывала листы веером, прижимая каждый металлической линейкой. На стене за ней висели часы с секундной стрелкой, на столе лежал телефон в красном чехле. Рядом с монитором стояла кружка с ложкой, но чай Миронова не пила.

— Колосова идёт по субботнему заданию, — сказала она. — С пассажирами. Ради проверки ничего с другого маршрута не снимали. На кольце у неё оборотный отстой, там выйдете на переход. Только вернуться надо к отправлению.

Она придвинула Ирине один из листов.

— Это движение. Это перерыв водителя. Не объединяйте. У машины стоянка бывает и без отдыха человека.

На листе цветными полосами были отмечены отправления, возвраты, время передачи автобуса. За знакомой прямой линией маршрута обнаруживались уборная, еда, сменщик, дорога от стоянки до диспетчерской. Миронова, не поднимая головы, ответила на звонок:

— Время возвращения какое?.. Нет, плановое вижу. Когда фактически вошёл?.. Тогда подождите, сейчас поправлю.

Она внесла две цифры и лишь после этого вернулась к Ирине.

— В понедельник здесь будут другие плотность и оборот. Сегодня проверяем места, действия и время на них. Субботний проезд за утренний пик не выдаём.

Нина заглянула в дверь.

— Это я тоже хотела сказать. Сегодня у рынка сумки, в понедельник у школы дети. Сумка хотя бы не передумывает на ступеньке.

Миронова подала ей лист контрольных точек.

— Посмотрите, не мешает ли работе.

Нина пробежала глазами строки.

— «Посадка завершена» — что у вас значит?

— Последний человек вошёл, — ответил молодой сотрудник заказчика, стоявший у окна с планшетом.

— Тогда добавьте: готовность к движению. Человек вошёл, а ещё идёт. Или тележку ставит. Я двери закрыла, но поехать пока не могу.

Ирина подвинула лист к себе.

В нём уже были прибытие, начало посадки, закрытие дверей и отправление. Она вписала отдельную отметку между последними двумя строками. Для пересадки оставили время выхода из первого автобуса, прибытия на следующую остановку, посадки и достижения конечной точки контрольной поездки.

— Часы сверим, — сказала она.

Сотрудник заказчика показал экран, Миронова назвала время на диспетчерском устройстве. Ирина сравнила со своим телефоном. Расхождения хватило бы, чтобы приписать переходу лишние полминуты; его записали рядом, не переставляя служебные часы.

— А пассажиров опрашивать будете? — спросила Нина.

— Только если согласятся. Общую посадку считаем без лиц. Для полной поездки нужны отдельные подтверждения.

— Хорошо. А то мне однажды встали в дверь с вопросом, довольны ли люди скоростью.

Миронова посмотрела на часы.

— Вам через две минуты. Разговор переносим в салон.

Ирина взяла лист. До старта опыта оставались двое суток, а уже пришлось уточнить, в какой момент вошедший человек действительно готов ехать.

***

Первую лишнюю минуту удалось убрать без ускорения.

У ремонтных мастерских перед ними шёл автобус того же направления. Он дольше простоял у рынка и теперь собирал пассажиров на каждой остановке. Нина видела его задние фонари через два перекрёстка.

— Обычно тут начинают просить нагнать график, — сказала она на остановке. — Нагоняешь — приезжаем вдвоём.

По связи вызвала Миронова. Предшествующий автобус освободил контрольную точку, отрыв оставался меньше расчётного. Нине предложили отправиться через минуту, в пределах согласованного контрольного задания.

Она включила микрофон:

— Отправление через минуту по распоряжению диспетчера. Впереди автобус этого же направления.

Мужчина у средней двери посмотрел на часы, но промолчал. Женщина успела достать из пакета перчатки. Минута не выглядела полезной: автобус стоял, люди ждали. Ирина записала время и собственное нетерпение узнала раньше, чем успела придать ему рабочее объяснение.

На следующих двух остановках передний автобус ушёл дальше. Нине не пришлось медленно катиться за ним, снова тормозить и ждать освобождения площадки. К перекрёстку они подошли без прежнего сближения; часть задержки исчезла в обычном движении. Сотрудник заказчика отметил это в листе.

— Только не пишите, что минуту выиграли, — сказала Ирина. — Мы её сначала добавили. Смотрите весь участок.

Она отправила Дарье времена с коротким пояснением. Ответ пришёл на следующей остановке: «Разошлись устойчивее. Пока один проход, не эффект за день».

У поликлиники расчётная аккуратность закончилась.

Мужчина с ходунками ждал чуть в стороне от очереди. Женщина рядом с ним держала сложенную сумку и не пыталась подтащить его ближе, пока автобус не остановился. Нина поставила машину у свободного края площадки, закрепила её, вышла из кабины и подготовила доступную посадку.

Ирина убрала лист, чтобы освободить проход.

Мужчина поднялся медленно. Ему нужно было переставить ходунки, найти опору, повернуться. Сопровождавшая его женщина попросила пассажира у площадки подвинуть рюкзак. Тот сначала не понял, кому мешает, затем поднял его на колени. Нина дождалась, пока мужчина займёт место, убрала аппарель и вернулась за руль.

Двери закрылись. Автобус не поехал: у переднего сиденья пожилая пассажирка ещё пыталась поставить тележку так, чтобы та не выкатилась в проход.

Ирина посмотрела на секундомер. В исходной схеме на эту остановку отводилось сорок секунд.

Ей захотелось попросить людей быстрее освободить площадку — тем тихим голосом, после которого в аварии обычно начинали двигаться. Она уже подняла голову и увидела, что женщина с тележкой держится одной рукой за поручень. Свободной руки для спешки у неё не было.

Нина подождала.

На следующем длинном светофоре Ирина спросила:

— Сколько здесь нужно закладывать?

— Сегодня почти две минуты получилось. Завтра может никто не войти. Мне не две минуты на каждую остановку нужны. Мне нужно, чтобы эти две не велели потом отыграть.

— Какой запас нужен на участке?

— Посмотрите оборот. И дайте понятный ответ, кому сказать, если запас съели. А сорок секунд оставьте для обычной посадки, не для всех случаев.

Сотрудник заказчика назвал измеренные времена. Нина поправила только одно: когда двери закрылись, тележка ещё не стояла устойчиво.

Ирина переслала Дарье отдельные отметки. Не среднее, не округлённую задержку, а всю последовательность. За стеклом шли кирпичные дома верхнего Рудничного, работающая аптека, двор со свежими детскими качелями. На балконе второго этажа мужчина крепил к раме сушилку. Здесь не было повода для чрезвычайного режима. Достаточно было не заставлять человека с ходунками участвовать в восстановлении графика.

На конечной у старого универмага пассажиры вышли. Контрольный автобус закончил очередной рейс; у Нины оставалось несколько минут отстоя. Она показала через лобовое стекло на остановку другого плеча.

— Вот ваше короткое соединение.

На плане между остановками лежала тонкая пешеходная линия. Дарья ещё при расчёте убрала тесное вечернее окно из обязательных, оставив его для полевой проверки. Теперь предстояло проверить сам путь.

Ирина вышла вместе с Ниной. Сотрудник заказчика остался у первого остановочного знака с часами.

Сначала дорожка шла ровно. Затем упиралась в лестницу, спускавшуюся к поперечной улице. Ступени были целы, но разной высоты; за последней лежала неглубокая лужа. Доступный обход начинался с другой стороны универмага и возвращался к регулируемому переходу.

Ирина спустилась, дождалась зелёного сигнала и дошла до второго павильона. В спину ей дул ветер. Аппарат в правом ухе усиливал шорох капюшона, и она откинула его, чтобы услышать вызов.

— Повторите время, — попросила она.

Сотрудник заказчика повторил.

Даже её быстрый путь занял почти всё предусмотренное окно. Автобус следующего плеча появился у перекрёстка, когда Ирина ещё стояла перед переходом. Она могла бы ускориться на последних метрах. На этом держался весь красивый вариант.

Нина подошла следом.

— Вы дошли. Тот мужчина — нет.

— Обход проверим.

— Проверим. Только у меня отправление через четыре минуты. Дальше без меня.

Ирина кивнула. Нина ушла к машине, не предлагая пожертвовать рейсом ради полноты обследования.

По обходу Ирина вернулась с сотрудником заказчика. Там не было ступеней, зато пришлось пройти вокруг здания и дважды ждать светофор. Запас исчез окончательно.

Дарья ответила сразу.

— Для обязательного соединения не годится. По вечернему времени сомнение уже было, теперь ещё доступность. Убираю из предложения.

— Сам переход остаётся, — сказала Ирина. — Кто может и хочет, воспользуется. Но обещать по нему пересадку нельзя.

— Согласна. Пришлите обе записи, быстрый путь и обход.

— И не сводите их в среднее.

— Не собиралась.

Ирина услышала в голосе Дарьи усталую усмешку и тоже улыбнулась. Раньше она, возможно, ограничилась бы словами «на месте не работает». Теперь в телефоне лежали два времени, схема обхода и причина, по которой выгодную линию следовало убрать.

***

К кольцевой трамвайной линии они приехали следующим рейсом. Нина высадила их у пересадочного узла и продолжила работу.

Здесь путь был длиннее нарисованного соединения у универмага, но ровнее: по тротуару до светофора, через проезжую часть на платформу. Понижения бордюров не заливало водой. У края стояла женщина с детской коляской, чуть дальше подросток придерживал длинный свёрток, чтобы не задеть проходящих.

Сотрудница трамвайной службы ждала под навесом. В руках у неё был плотный лист с фактическим движением, а не презентационная схема линии.

— Дополнительных вагонов нет, — сказала она, едва Ирина представилась. — Мне передали, что вы хотите проверить пересадку. Проверим. Только в заключении не должно появиться, что мы обещали усиление.

— Не появится. Что сейчас можно подтвердить?

— Рейсы по действующему заданию. Какие вагоны назначены. Вот доступные посадки, вот временные изменения. Загрузка сегодня — только сегодняшняя.

Подошёл трамвай. Через широкое стекло Ирина видела свободные сиденья в середине, но у дверей стояли люди. Женщина с коляской пропустила выходящих, затем поднялась на площадку. Подросток повернул свёрток вертикально. Посадка завершилась без тесноты, хотя со стороны могло показаться, что вагон полупустой и примет ещё кого угодно.

— Сколько добавочных пассажиров в рабочий пик? — спросил сотрудник заказчика.

— По этому проезду не скажу.

— Хотя бы примерно?

Сотрудница трамвайной службы посмотрела на него.

— Примерно вам расчёт даст. А я сейчас подтвержу, сколько вошло и осталось на площадке. Утром нужно смотреть в движении, с предыдущими остановками. Сюда вагон не пустой приезжает.

Они пропустили первый трамвай, чтобы закончить измерение перехода, и сели в следующий. Ирина отметила время: контрольная поездка не завершалась у таблички «Кольцевая». Ей нужно было доехать до условленного места на северной стороне, выйти и проверить путь до конечной точки.

Трамвай прошёл вдоль мастерских, пересёк Яру и вошёл в северные кварталы. На мосту был виден автомобильный поток: он двигался медленно, но двигался. Ни один из трёх мостов

не требовалось объявлять потерянным, чтобы понять, почему люди хотели надёжной пересадки.

У нужной остановки Ирина вышла. До входа в учебный корпус они дошли вместе с сотрудником заказчика. Тот остановил отсчёт, показал экран и записал завершение. Рядом двое студентов спорили, в какой аудитории перенесли занятие. Для них этот вход был обычной дверью. Для проверки он впервые стал концом поездки, а не точкой, до которой дорисовали стрелку.

Обратно Ирина позвонила Дарье с платформы.

— Кольцо можно оставить как вариант. Для части поездок. Утреннюю вместимость пока не подтвердили.

— Тогда по прямому пути выигрыш скромнее.

— Оставим прямой.

Дарья не ответила сразу.

— Какой объём?

Ирина посмотрела на лист назначений. Сказать «для тех, кому трудно» было просто; поставить под это машину в нужный час — труднее.

— Те прямые рейсы, которые вы предлагали заменить подвозом к кольцу. Хотя бы в отмеченных окнах.

— Если оставить все, интервалы второго плеча не выровняем в расчётных пределах.

— Покажи вариант с двумя окнами. Не добавляя автобус.

Ветер шевелил край листа. Ирина прижала его к стенке павильона, пока Дарья считала. Затем на телефоне появилась новая раскладка.

В ней сохранялись прямые рейсы утром и вечером. Часть выгоды от короткого оборота терялась; на соседнем участке ожидание выходило длиннее первоначально предложенного. Пришлось убрать обещание одной удобной стыковки и перенести отправление ещё одного рейса. Восемь машин оставались восемью.

— Это надо с Мироновой сверить по перерывам, — сказала Дарья. — И заказчику подтвердить изменение рабочего приложения. Я пока сохраняю вариант.

— Так и сделаем.

— Ирина Павловна, прямой рейс тоже не доставит всех к дверям.

— Знаю. Но мы хотя бы не сделаем лестницу обязательной.

Она убрала телефон. На схеме остались только действующие улицы и подтверждённые переходы. Нижний проезд Рамповой не понадобился даже в качестве соблазнительной короткой линии.

***

Когда Ирина вернулась на конечную, Миронова ела яблоко над раскрытой салфеткой. При виде папки она отложила его, но Ирина остановила:

— Доешьте. Я пока листы разложу.

— Тогда вы садитесь. Стоя у меня все вопросы срочнее получаются.

В диспетчерской стало теплее. На батарее сушились варежки уборщицы; из приоткрытой двери доносились объявления Нины пассажирам. Её очередной рейс закончился, впереди был предусмотренный перерыв. Для разбора она обещала зайти после него, не вместо.

Миронова изучила присланный Дарьей вариант и несколько раз провела линейкой от прибытия до следующего отправления.

— Здесь проходит. Здесь только при обычном обороте. Если посадка затянулась, этот хвост нельзя съесть перерывом.

Она набрала Дарью, включила громкую связь. Вместе они передвинули одну строку. Красивое равномерное чередование на бумаге нарушилось, зато у водителя сохранилось время, которое до этого выглядело незанятым.

— Теперь удержание, — сказала Миронова и положила на стол две карточки с номерами заданий. — Вот первая. Задержалась у школы. Вторая подошла к ней на две минуты. Что делаем?

— Разводим отправления, — ответил сотрудник заказчика.

— Где?

Он показал остановку перед перекрёстком.

— Там только посадочная площадка. Долго стоять нельзя, следующий маршрут упрётся. В программе для удержания другая точка.

Она передвинула вторую карточку к отметке перед конечным участком.

— Здесь разрешено. Но не сколько нам нравится. В согласованном пределе, с сообщением водителю и пассажирам. Время вышло — не продлеваем молча.

— А пересадка? — спросила Ирина.

— Проверяем, что делаем с принимающим рейсом. Если допустимое ожидание у него есть, согласуем. Если нет — сообщаем, на что люди теперь могут рассчитывать. Водителю одного автобуса нельзя обещать за другой.

Ирина вслух повторила последовательность, не глядя в приложение:

— Сначала понимаем, почему сблизились. Выбираем разрешённую точку и предел задержки. Проверяем дальнейшее задание и перерыв. По пересадке получаем ответ от того, кто ею распоряжается. Если не укладываемся — фиксируем срыв и меняем обещание, а не заставляем водителя нагонять.

— Да, — сказала Миронова. — Только причину иногда ещё не знаем. Тогда так и пишем, но на месте решаем по тому, что видим.

Ирина внесла поправку. Она слишком хорошо помнила, как легко объяснение, придуманное позже, приклеивается к минуте, когда его ещё не было.

Нина пришла с пустой кружкой. Прочла новый лист, задержалась у времени прямого рейса.

— Этот оставили?

— Оставили, — сказала Ирина. — Другую стыковку убрали. Здесь утром ещё проверим загрузку.

— А сорок секунд?

Миронова показала запись об измеренной посадке и порядок сообщения о задержке.

Нина села на край стула.

— Мне вот это важнее. Чтобы я сказала: не успеваю, — а ответ был не «постарайся».

— Ответ будет с решением, — сказала Миронова. — Хорошим не обещаю. Иногда следующий рейс придётся сдвинуть.

— Но не моей ногой.

— Не вашей.

Дарья по связи попросила прочитать окончательные времена. Миронова прочла, Нина уточнила один возврат. Сотрудник заказчика отправил рабочее приложение ответственному на согласование. Основную программу не переписывали: к ней добавлялись измерения и исправленная схема с отдельным номером.

Первоначальный вариант Ирина сложила в другую папку. На нём остались короткий переход у универмага и прежние сорок секунд. Рядом лежал лист причин изменения — без попытки сделать вид, что неудобную лестницу предусмотрели с самого начала.

Подтверждение пришло, пока Нина убирала кружку.

— С этим работаю, — сказала она. — В понедельник посмотрим, что люди добавят.

— Добавят, — отозвалась Миронова.

Она внесла номер исправленной схемы в журнал передачи, рядом записала, кому её выдадут до начала опыта. Следующая смена должна была получить не только новые времена, но и места, где пока оставались вопросы.

Ирина застегнула сумку. Ей не требовалось оставлять свой номер крупнее диспетчерского или обещать стоять здесь с первого отправления. Миронова уже готовила лист сменщику, Нина знала, какой ответ вправе потребовать при задержке, а неподтверждённая утренняя загрузка не превратилась в свободную вместимость.

Снаружи открылись двери автобуса. Пассажиры поднялись в салон, последний мужчина задержался, складывая зонт. Нина подождала, пока он пройдёт к сиденью.

Миронова взглянула на часы и сделала отметку на рабочем листе. До понедельника оставалось время выдать исправления. Сам понедельник — со школьными рюкзаками, рабочими сменами и чужими назначенными часами — ещё только предстоял.

Глава 4. Чужое свободное время

Светлана зачеркнула свою фамилию в среде и задержала ручку над четвергом.

— Мне смену переставили. Я могу после работы, но не знаю, во сколько выйду.

— Тогда пока убери и четверг, — сказала Вера.

— Я же обещала.

— Ты обещала при другом расписании.

За столом помолчали. Вера видела, как Светлана ждёт предложения: хотя бы на полчаса, хотя бы позвонить, хотя бы найти замену. Вместо этого она придвинула ей лист поближе.

Они собрались в комнате совета домов на первом этаже кирпичной пятиэтажки. Вход был со двора, без ступеней; дверь придерживали старым резиновым клином. Раньше здесь принимал мастер по ремонту обуви. На стене оставался светлый след от его прейскуранта, а под широким подоконником сушились два детских самоката. За окном мужчина сметал листья от решётки ливневого стока. Двор жил воскресеньем и не собирался становиться штабом.

На столе лежала сетка наблюдений на семь дней. Вера распечатала её крупно, чтобы не приходилось наклоняться над чужим плечом. По краям уже появились поправки: «до автобуса на работу», «только посадка», «после кружка».

— Я могу проехать от поликлиники до кольца, — сказала Тамара. — Но обратно меня не ставь. Я там к сестре.

— Обратную поездку и не обещаем.

— А тебе хватит?

Вера посмотрела на лист. Не хватало утреннего окна в среду, двух вечерних — в пятницу, а в воскресенье после обеда не было никого.

— Для полной недели — нет. Для этих поездок хватит.

Антон сидел у розетки, заряжая телефон. Он приехал с северного берега и всё время поправлял край куртки, свисавший со стула.

— Можно написать в домовые группы. Кто-нибудь найдётся.

— Можно. Только не «нужны люди на неделю». Вот задача, вот место, вот время. Человек должен понять, на что соглашается.

— А если он каждый день там ездит?

— Тогда спросим, хочет ли он ещё и записывать.

Вера достала пустую карточку и положила в середину стола.

— Давайте попробуем. Я пришла на остановку в восемь десять. На бумаге написано: автобус в восемь пятнадцать. В восемь двадцать пять ушла пешком. Что я могу сообщить?

— Автобуса не было, — сказала Светлана.

— Пока я стояла.

— Ну да. А какая разница?

— Если он прошёл в восемь восемь, мы пропустили ранний проход. Если в восемь двадцать семь — я его не дождалась. Для моей поездки оба варианта плохие. Но отмену рейса ни один не доказывает.

Тамара повернула карточку к себе.

— Значит, нужно писать, когда пришла и когда ушла.

— И где взяла обещанное время. Табличка, сообщение, приложение. Лучше сохранить. Если автобусы были — какие и когда. Если не смогла сесть — тоже.

— И почему не смогла?

— Если знаешь. Не поместилась, не подошла посадка, дверь не открыли. Причину со слов водителя так и помечаем. Самим додумывать не надо.

Светлана постучала колпачком по столу.

— У меня телефон в перчатках не работает. Я зимой всё забываю, пока запишу.

— Можно на бумаге. Потом сфотографируешь. Здесь время важнее красивой формы.

Вера показала нижнюю часть карточки: способ повторной связи и отдельное согласие на публикацию. Номер телефона оставался у дежурного. В открытый список попадали остановка, время, результат и предел наблюдения. Чужие лица снимать не требовалось.

— Я могу вам всё рассказать, а в общий канал не хочу, — сказала Тамара.

— Тогда отметишь: только для проверки. Если понадобится публичный пример, сначала спросим отдельно.

— Без имени тоже спрашивать будешь?

— Если по подробностям тебя узнают — да.

Антон отложил телефон.

— А мне с северной стороны присылать? Я утром не в вашем опыте еду.

— Присылай. Только напиши, где именно. Мы не будем сводить всё в один показатель по Верхнеярску.

— Нас и на Рудничный мало, — заметила Светлана.

— Поэтому и не будем.

Вера разложила три пробные записи. В одной автобус прошёл, но человек не смог подняться в салон. В другой наблюдатель пришёл позже назначенного времени. В третьей пришло подтверждение диспетчерской об отменённом задании. Они договорились, какие слова оставлять в каждой, и лишь после этого вернулись к графику.

Имена вписывали сами участники. Вера записала себе понедельник после уроков и четверг до начала занятий. Антон взял две северные поездки. Светлана оставила только вторник вечером.

— А пустое чем закрашивать? — спросила она.

— Ничем. Внизу напишем, что наблюдения там нет.

К концу встречи у окна остались нераспределённые листы. Вера убрала их в папку, хотя хотелось ещё раз пройтись по людям: у каждого ведь наверняка находились десять минут. Она знала, что произойдёт после такого вопроса. Кто-нибудь уступит, а потом будет стоять на остановке с тяжёлыми пакетами, злиться и на неё, и на себя.

Светлана застегнула куртку.

— Ты всё-таки напомни во вторник. Не с утра, я после ночной.

— После двух.

— После трёх.

Вера исправила время.

***

Разговор со «Сводом» назначили на половину второго. Вера успела отпустить людей, вернуть стулья к стене и съесть яблоко, пока на экране подключалась сотрудница по работе с общественными площадками.

В приглашении было написано «знакомство». Вера заранее отвела ему двадцать минут.

Женщина появилась на фоне обычного кабинета, без карты города и корпоративного знака за спиной. Представилась, уточнила, удобно ли сейчас говорить.

— Удобно до пятидесяти минут, — сказала Вера. — Потом мне надо закрыть помещение.

— Уложимся. Я пришлю всё письменно, сейчас хотела объяснить сам формат. Мы создаём общественный совет при платформе. Не собрание раз в квартал для фотографии, а постоянную рабочую группу.

Вера прислонила телефон к пачке карточек.

— Что должен делать участник?

— Разбирать пользовательские обращения, обсуждать изменения до внедрения, задавать вопросы профильным командам. Для вас мы предполагали бы направление доступности услуг и обратной связи с жителями.

— Я не представляю всех жителей.

— Нам и не нужен один представитель всего города. У вас есть опыт организации наблюдений. Это отдельная компетенция.

Такой ответ оказался приятнее, чем Вера ожидала. Она приготовилась поправлять слова про «голос Рудничного», но их не было.

Сотрудница открыла документ. Участникам предлагали регулярные рабочие встречи, доступ к предварительным материалам по своим вопросам и возможность направлять запросы разработчикам без месячного ожидания общего ответа. Время подготовки и заседаний оплачивалось по договору.

Вера попросила повторить последнюю часть.

— Подготовка тоже?

— Да. В пределах согласованного объёма часов. Мы понимаем, что прочитать материалы и собрать вопросы — работа.

За окном захлопнулась дверь машины. Вера невольно посмотрела на свои листы: семь дней, чужие фамилии, пустые окна. На сбор графика ушло больше времени, чем на сегодняшнюю встречу. Никто этого времени не видел.

— Школьную работу оставлять не нужно?

— Нет. Это не полная занятость. Но регулярность нужна. Нам важно знать, что человек действительно сможет участвовать.

— Мне тоже важно знать заранее.

Женщина кивнула.

— Поэтому сначала условия, потом ваше решение.

Вера вытерла пальцы салфеткой. Яблочный сок попал на край блокнота.

— Если в ходе работы я получу сообщение о плохой услуге, я смогу опубликовать его в нашей сети? Не от имени совета. От своего.

— Здесь нужно различать полученные внутренние материалы и собственные наблюдения. По внутренним будет режим доступа.

— Я различаю. Мне нужен письменный порядок для собственных наблюдений и сообщений, которые люди передают нам.

— Запрошу у коллег. Сейчас не хочу пообещать неверно.

— И кто будет решать, что относится к внутреннему обсуждению.

Сотрудница записала вопрос. Не обиделась, не стала уверять, что Вера всё слишком усложняет.

— Вы могли бы предварительно подтвердить интерес? Без обязательства войти в состав.

Вера посмотрела на часы. У них оставалось четыре минуты.

— Интерес есть. Согласия пока нет.

Произнести это было непривычно. Проще было бы сразу отказаться, а потом рассказать знакомым, что ей предлагали удобное кресло. Но она только что услышала предложение оплачивать чтение документов и обещанные звонки. Не вечер после проверки тетрадей, не субботу, которую можно отдать, потому что вроде бы никто не заболел. Настоящее время, за которое не приходилось извиняться перед собственной жизнью.

— Тогда я сегодня отправлю описание, — сказала женщина. — По вопросам о сообщениях ответ может занять несколько дней.

После отключения Вера ещё немного сидела перед погасшим экраном. Потом открыла календарь.

На понедельник стояли уроки, лабораторная подготовка и наблюдение после трёх. Во вторник — занятия до половины четвёртого и встреча с Оксаной в шесть. Оксана заранее попросила не приходить раньше: до пяти у неё клиентки. На среду Вера оставила вечер для тетрадей. Пятничную запись «купить обувь» уже дважды переносила.

Телефон предложил добавить ещё одно событие. Она закрыла окно.

От матери пришло сообщение: «Исправления по проезду у вас? Если что непонятно, вечером объясню».

Вера ответила: «Получили. Неясное собрали, передадим Мироновой. Сегодня больше людей не ставим».

Предложение совета она не упомянула. Пока ей хотелось прочитать его без немедленного разговора о том, что «Свод» получит взамен. Мать имела бы основания задать такой вопрос. Вера ещё не хотела отвечать, словно уже сделала что-то, требующее защиты.

Она закрыла форточку, проверила розетки и понесла папку к выходу. Обновлённый график оставался на столе до вечера — Тимур обещал помочь закрепить его так, чтобы каждый мог сменить лист без инструментов.

***

В депо Тимур не сразу заметил письмо. Телефон лежал под ремнём переносного ящика, а сам он пытался вставить штекер в гнездо, которое кто-то развернул маркировкой к стенке.

Снаружи было сыро и холодно. После разгрузки оборудования безымянный палец и мизинец левой руки хуже чувствовали мелкую насечку. Тимур перестал удерживать штекер ими, взял правой рукой и подсветил гнездо.

— Не дожимается? — спросил работник мастерской.

— Не той стороной держу. Это пока ещё моя неисправность.

Он подключил питание, дождался сигнала и записал время проверки. Для понедельника приготовили два телефона с внешними аккумуляторами, простую радиостанцию для связи между согласованными постами и запасной бумажный комплект. Ничего из этого не должно было управлять автобусами. От оборудования требовалось сохранить запись и дать людям связаться, если обычный звонок не проходил.

На пробной фотографии время на телефоне и часы в кадре разошлись. Тимур записал разницу на листе проверки, указал, с чем сравнивал, и не стал исправлять уже сделанный снимок. Рядом оставил инструкцию: перед началом окна проверить часы, исходные файлы не обрезать, при передаче указывать автора.

Когда ящик был закрыт, он поднял телефон.

Тема письма: «Условия позиции. Полевая диагностика».

Первый разговор состоялся ещё до нынешней подготовки. Тогда сотрудник «Свода» предложил встретиться, Тимур спросил про задачи, и оба обошлись без обещаний. Теперь в приложении были обязанности, зарплата, график и перечень оборудования.

Тимур сел на табурет возле верстака.

Сумма была заметно выше его нынешней. Не премия «до» и не возможная надбавка — фиксированная часть. Выезды планировались заранее, аварийное привлечение оговаривалось отдельно. Диагностическая группа, обучение, страхование, нормальный комплект переносных приборов вместо того, что удавалось занимать по службам. В перечне стоял тепловизор, который он уже месяц пытался получить на два дня.

Работа выглядела настоящей. Нужно было проверять полевые входы для моделей, сопоставлять схемы с оборудованием, описывать ограничения измерений. Он умел это делать. За последние полтора года научился ещё и объяснять так, чтобы человек за экраном не принял отсутствие доступа за отсутствие дефекта.

Тимур перечитал пункт о передаче заключений руководителю направления. Ниже шли обычные требования к хранению служебной информации. Права сообщить о неподтверждённом ограничении за пределы внутренней цепочки он не нашёл.

Он набрал ответ:

«Уточните порядок действий, если выявленное полевое ограничение не включено в итоговый расчёт. Кому специалист вправе направить отдельное заключение? Есть ли право сообщать результаты вне компании и в каких пределах?»

Перечитал. Добавил просьбу прислать образец должностной инструкции.

Отказываться он не собирался. Соглашаться тоже было рано.

Из общего канала пришло напоминание о визите к перевозчику. Тимур поставил себе срок вернуться к письму в четверг и убрал телефон. Ирине он пока не сказал. Ему не нравилось, что обычный разговор о работе уже несколько дней ощущался как скрытый поступок. Но объяснять ещё не выбранную жизнь посреди подготовки чужой смены он тоже не хотел.

У ремонтной службы перевозчика его встретил Алексей Петрович Буров, начальник технического контроля выпуска. На нём был застёгнутый халат поверх тёплого свитера; пропуск торчал из нагрудного кармана вместе с коротким карандашом.

— Вы по наблюдениям? — спросил он.

— Да. Сафин, «Резерв». Визит согласован на три часа.

— Помню. Что смотреть будете?

— Где можно фиксировать приход и выход, не мешая людям. Как у вас связаны номер машины, заявка и выполненная работа. В автобусную диагностику без вашего специалиста не полезу.

Буров посмотрел на ящик.

— А это зачем?

— Питание для постов и связь. Давление в ваших тормозах мерить не приехал.

— Хорошо. А то мне уже объясняли по фотографии, что автобус исправен.

Он провёл Тимура по отмеченной пешеходной полосе. В боксе стояла машина с открытой задней крышкой; рядом на тележке лежали снятые детали. Работник, не оборачиваясь, протянул руку за инструментом, и напарник вложил ему ключ. Тимур остановился у границы поста, дождался, пока Буров закончит короткий разговор с мастером.

В кабинете контроля им освободили угол стола. Буров показал форму заявки.

— Здесь водитель пишет, что наблюдал. Не диагноз. Здесь — приём. Дальше работы. И отдельно решение по выпуску.

— Если обращение повторное, видно?

— По машине поднимается история. В бумаге тоже можно, только дольше.

— Нам для начала нужен порядок, не весь архив. И точка съёмки ворот.

— Ворота согласуем. В боксе без сопровождающего не ходить. Лица работников в ваши открытые материалы не нужны.

— Не нужны.

На стол принесли хозяйственный перечень для сверки поставок. Буров просмотрел его, нашёл строку и спросил у сотрудника:

— Это уже отгрузили или только подтвердили?

— Подтвердили. На завтра.

— Тогда в наличии не ставьте.

Тимур подождал, пока сотрудник уйдёт.

— Детали долго идут?

— Какие как. Бывает, сама деталь есть, а денег на неё сейчас нет. Бывает наоборот. Ещё сервисное место нужно, если работу здесь не делаем.

Буров отложил карандаш.

— Сейчас партнёрская отсрочка помогает. По части поставки дали платить позже, кое-что удалось в сервис поставить. Иначе дольше бы стояли.

— Это в плане обеспечения на неделю учтено?

— В снабжении учтено. У меня деталь либо пришла и установлена, либо нет. Обещанием выпуск не подписывают.

Тимур посмотрел на открытый лист. Возле нескольких позиций была ссылка на коммерческое приложение к договору поставки — К-6, с датой и пометкой об отсрочке. Самого приложения не было.

— Реквизиты можно передать нашему координатору? Она условия обеспечения запрашивает.

Буров развернул лист, закрыв ладонью соседнюю колонку с ценами.

— Ссылку перепишите. За документом к снабжению, я чужие условия пересказывать не буду.

Тимур записал номер договора, приложение и название отдела. Уточнил, можно ли сослаться на сегодняшнее ознакомление с перечнем. Буров разрешил.

В телефоне для Елены появилась короткая запись: «При согласованном визите в техслужбу увидел ссылку на приложение К-6 об отсрочке. Буров сообщил также о доступе к сервисным работам. Самого приложения не видел. Получатель запроса — снабжение».

Он приложил реквизиты. Помощь поставщика могла быть именно помощью. Елена должна была получить условия, а не его впечатление от слова «партнёрская».

На выходе Буров показал место у ворот.

— Отсюда видно номер и время. Но по выезду из бокса не пишите, что на линию пошёл. Может на проверку, может на другую стоянку.

Тимур сделал пробный кадр.

— Назначение отдельно подтверждаем.

— Тогда договорились.

***

К комнате совета домов Тимур приехал с плоской рамой, двумя зажимами и пакетом крепежа. Вера ждала у двери, поставив папку на подоконник.

— Это для нашего листа? — спросила она.

— Для сменных листов. Можно переставлять секции.

— Секции у нас пока называются «понедельник» и «не знаем».

Тимур разложил раму на столе. После ремонтных боксов здесь было тихо; слышно было, как во дворе мальчик несколько раз безуспешно заводил маленький самокат на бордюр.

— Вот здесь кронштейн. Если нужно, повернёте к входу.

Вера взяла раму двумя руками и попробовала поднять.

— А Светлана её одна понесёт?

— Можно облегчить.

— До состояния папки?

Он посмотрел на принесённое крепление. Для уличного поста оно было разумным. Для комнаты, где график должны были убирать перед вечерними занятиями, — нет.

— Я, кажется, сделал вам объект инфраструктуры.

— Нам бы канцелярию.

Тимур снял кронштейн, убрал два металлических уголка. Осталась лёгкая основа с зажимами. Вера ещё раз подняла её, переложила на подоконник и кивнула.

— Вот эту любой сможет.

Он положил крепёж обратно в пакет. Вера расправляла листы, проверяя номер исправленной схемы. В верхнем углу было написано, что опыт касается действующей части Рудничного. Ниже — куда отправлять наблюдения и когда ждать ответа дежурного.

— Завтра с утра ты где? — спросила она.

— С половины шестого у перевозчика. Передам оборудование, проверю приём сообщений. Потом в депо. До десяти занят точно.

— Мне до восьми нужен только ответ, что комплекты дошли. Дальше я на уроках. Если карточка не открывается — дежурному, не мне.

— Принял. После трёх?

— Сама на остановке. До четырёх двадцати. Потом ухожу.

— Могу забрать стойку.

— Не надо. Её принимает Светлана. Я ей обещала не изобретать ещё одного помощника вместо передачи.

Тимур закрепил верхний край графика. Вера подала второй зажим, и их пальцы на секунду встретились. Она не отдёрнула руку, только дождалась, пока он возьмёт зажим.

— А сегодня ты уже всё? — спросил он.

— Здесь — да. Дома тетради.

— Есть разница между «всё» и твоим «здесь».

— У тебя самого в машине ящик.

— Ящик может ночевать без меня.

Вера улыбнулась и достала из сумки два маленьких пирога в бумаге.

— Тогда десять минут. Мне в пекарне дали второй за вчерашний разговор про расписание. Я сказала, что автобусы ещё не начали по нему ходить. Всё равно дали.

— Оплата консультации?

— Скорее попытка закончить консультацию.

Они сели у подоконника, не раскладывая новых бумаг. Пироги были с картошкой, уже холодные, но Тимур только теперь понял, что с утра ел один раз. Вера спросила, почему у него на рукаве синяя полоса. Он рассказал, как проверял маркер, который по надписи должен был легко стираться с пластика.

— С пластика стёрся? — спросила она.

— Безупречно.

— Значит, производитель честный.

Ему нравилось, что она не торопилась превращать паузу в ещё один разговор о работе. Он хотел предложить зайти куда-нибудь на неделе, но посмотрел на лист: у Веры рядом с именем стояли два коротких окна, всё остальное время оставалось её собственным, неизвестным ему.

— В четверг после шести я свободен, — сказал он. — Если тебе что-то нужно перенести, могу до шести. После не обещаю.

— Я пока ничего переносить не собиралась.

— Это я на всякий случай.

— Тогда не занимай его на всякий случай.

Он кивнул. Было чуть неловко, но не плохо.

На её телефоне появилось письмо со знаком «Свода». Вера прочла первые строки, закрыла уведомление и убрала телефон в сумку. Тимур не спросил. Собственное письмо лежало у него в кармане; в четверг он собирался снова его открыть.

Они собрали обёртки. Вера передала дежурной в соседней комнате ключ и показала, как снять основу с графиком. Та попробовала сама, убрала её на полку, затем вернула на место. Тимур оставил запасной зажим в подписанном конверте.

Перед уходом они проверили последнюю версию сетки. Конкретные имена стояли рядом с местами и временем, внизу — контакт следующего дежурного. Несколько клеток остались пустыми.

— Среда утром всё ещё без человека, — сказал Тимур.

— Да. Объявление отправлено. Если кто-то согласится, внесём новую версию.

Она не потянулась к ручке.

Тимур выключил свет над столом. Завтра люди придут в назначенные окна, посмотрят, запишут и уйдут по своим делам. На полке остался график, который можно было поднять одной рукой.

Глава 5. Первый понедельник

На листе у окна пересадка всё ещё стояла на четыре минуты раньше.

Ирина заметила это, пока Миронова говорила с водителем по телефону. Остальное совпадало: номер задания, остановка, направление, фамилия. Только в правом столбце осталось субботнее время, которое успели отменить ещё до конца контрольного проезда.

Она положила рядом свой экземпляр и дождалась, когда диспетчер освободится.

— Здесь прежнее.

Миронова прижала лист линейкой.

— Этот для сменного водителя. Вчера печатали отдельно.

За окном в предутренней темноте прошёл автобус. Фары высветили мокрые листья у бордюра, на мгновение показали нижнюю часть забора и погасли за поворотом. В диспетчерской пахло горячей пылью от обогревателя. Ирина сняла куртку, но шарф оставила: от двери тянуло по плечам.

Миронова вызвала сотрудницу, выдававшую задания.

— Проверьте отдельные листы сменщикам. Вот номер действующего приложения. Этот замените, прежний оставьте у себя с отметкой. Кому успели выдать?

Сотрудница назвала две фамилии.

— Получение новых подтвердите до отправления. Не просто «передали».

Она ушла с обоими листами. Миронова вернулась к телефону, а Ирина убрала свой экземпляр. Ей не пришлось звонить двум водителям, искать наблюдателей или самой исправлять чужую бумагу. Требовалось только через несколько минут получить ответ.

На экране восемь назначений пилота стояли отдельной группой. Ирина сверила их с утверждённым перечнем: машины, задания, смены. Отметки технического выпуска уже поступили от службы перевозчика. Два резервных автобуса оставались вне регулярных назначений.

— Восемь, — сказала Миронова, заметив, куда она смотрит. — Утренний состав без замен. Если будет подмена, сюда отдельная запись придёт.

— Исправления наблюдателям дошли?

— Дежурная подтвердила номер. Один пост начнёт позже, как у них и было записано.

На столе лежал список контрольных окон. Несколько промежутков оставались белыми. Ирина проверила ближайшее: наблюдатель должен был прийти к поликлинике к семи, не к первому выходу из парка. Она не стала искать человека на недостающие сорок минут.

В дверях появилась Нина Колосова. Куртка была расстёгнута, в руке — путевой лист. Она поставила на край стола термос и наклонилась к Мироновой.

— Последнее уточнение. Если держите меня на площадке, двери оставляю открытыми?

— Пока идёт посадка — да. Дальше по условиям на месте. Время отправления я даю, безопасное закрытие дверей — ваше.

— А если уже дала время, а человек ещё по салону идёт?

— Сообщаете, что не готовы. Время исправляем.

— Хорошо. И пассажирам я говорю не «диспетчер не пускает».

— Говорите, до какого времени стоим и зачем. Текст у вас есть, своими словами можно.

Нина взяла термос, потом снова поставила.

— До какого времени — это важно. А то скажешь «немного подождём», и через минуту у каждого своё немного.

Ирина взглянула на неё. В субботу Нина ждала ответа на каждое замечание с настороженным терпением. Сегодня спрашивала уже о том, как работать, а не о том, собираются ли вообще её слушать.

— Если предел вышел? — уточнила Ирина.

— Не добавляю от себя, — ответила Нина. — Связываюсь. Если нет связи, действую по выданному порядку, а не стою до обеда.

Миронова показала строку в задании.

— Именно.

Сотрудница вернулась с новыми листами. Оба водителя получили исправления; один ещё раз уточнил время принимающего рейса. Миронова велела прочитать его вслух. Ирина услышала правильные цифры.

Нина убрала путевой лист в прозрачную папку.

— Ну, посмотрим ваш понедельник.

— Он не наш, — сказала Миронова. — Общий.

— Вот поэтому и посмотрим.

Она вышла. Через стекло было видно, как Нина подошла к автобусу, дождалась, пока сотрудник в жилете отойдёт от переднего колеса, и поднялась в кабину. Ирина не различала звук двигателя за закрытым окном; слуховой аппарат усиливал шорох бумаги и щелчки клавиатуры, а улица оставалась далёкой.

Миронова отметила выход. Первая машина ушла на линию без напутствия по громкой связи и без людей у ворот, собранных для фотографии.

Ирина посмотрела на часы. Началось.

***

К семи двадцати два автобуса сблизились так, что на схеме их метки почти касались друг друга.

Первый задержался у поликлиники. Второй, Нинин, прошёл предыдущие остановки быстрее обычного: там оказалось меньше пассажиров. Никакого нарушения скорости Миронова не видела. Получалось простое, неприятное сочетание — одному требовалось больше времени на посадку, другому меньше.

Ирина сидела слева от диспетчера, не занимая место у рабочего телефона. На своём листе она отмечала только решения, которые относились к проверке программы.

— Колосова, на площадке у мастерских после посадки остаётесь до семь двадцать шесть. Четыре минуты, не больше. Сейчас уточню пересадку.

Ответ пришёл негромко. Ирина повернула голову левым ухом.

— Приняла. Здесь место есть.

Миронова набрала диспетчера принимающего направления. Говорила коротко, называя задание, а не объясняя заново всю неделю испытания.

В комнату вошёл начальник колонны. Он держал телефон экраном наружу, словно собирался предъявить его вместо приветствия.

— Светлана Юрьевна, почему вторая стоит? У первой уже отставание. Выпускайте, пусть хотя бы рейс закроет.

— У неё до первой две минуты. Следующая за ней далеко.

— Я вижу. Тем более надо вывозить.

Миронова подняла ладонь: в трубке отвечали.

— Две минуты ожидания на принимающей конечной подтверждаете? В пределах вашего отстоя, без перерыва водителя?.. Да. Уведомление по рейсу от вас. Спасибо.

Она внесла запись и только потом повернулась к начальнику колонны.

— Сейчас они уйдут парой. После них останется пустой промежуток. Я развожу отправления на разрешённой площадке.

— У тебя выполнение по времени вниз идёт.

— По одному отправлению — да.

Он посмотрел на Ирину.

— Это теперь считается хорошо?

Ирине захотелось придвинуть к нему схему. Показать пальцем первую машину, потом вторую, заставить проследить за расстоянием. Вместо этого она оставила руки на блокноте.

— Это предусмотрено программой. Светлана Юрьевна проверила место, предел и следующее задание.

— На конечной потом не уложатся.

— Дальнейшее задание у меня открыто, — сказала Миронова. — Перерыв не трогаем. Если не уложимся, зарегистрируем изменение рейса.

Начальник колонны постоял возле стола. Телефон в его руке погас.

— Только не делайте из этого стоянку по желанию.

— Время записано.

Он отошёл к окну. Не ушёл, но больше не вмешивался.

Из Нининой машины пришёл вызов. Миронова включила громкую связь, чтобы не пересказывать ответ.

— Пассажир спрашивает, почему едем по новому расписанию, а стоим по старому.

В голосе Нины не было ни насмешки, ни просьбы избавить её от разговора.

— До двадцати шести остаёмся, — ответила Миронова. — Перед вами автобус ушёл две минуты назад. На северное направление пересадку согласовали, принимающий рейс ждёт в разрешённом пределе. Объявите это.

— Уже сказала про интервал. Он едет не на пересадку, ему на работу.

Ирина посмотрела на лист. В расчёте было ожидание в салоне, несколько прибавленных минут. Здесь у этих минут появился человек, которому объяснение про чужую пересадку ничем не помогало.

— Пусть передаст обращение через указанный номер, если готов, — сказала Миронова. — Можно без звонка, текстом. Время задержки мы подтвердим.

— Он говорит, и без номера понятно.

— Понятно. Причину недовольства я запишу. Для ответа ему нужен контакт.

Нина отключилась. Миронова внесла жалобу рядом с решением об удержании. Не в отдельный файл для последующего разбора, а в ту же рабочую строку.

В семь двадцать шесть она разрешила отправление.

Ирина следила за метками. Первый автобус уходил вперёд; Нинин держался за ним уже с промежутком. На следующей остановке он снова задержался на посадке, но ненадолго. Третья машина приближалась с другого конца участка.

— Пост у школы, — сказала сотрудница на втором телефоне. — После первого автобуса подошли ещё люди. Вторая приняла всех ожидавших. Одна женщина с коляской.

— Время прихода группы есть? — спросила Ирина.

Сотрудница уточнила.

Наблюдатель записал: подошли после ухода первого; Нинин автобус пришёл через несколько минут. Ирина перенесла ссылку на карточку в блокнот. Она не могла доказать, что при прежнем порядке каждый из этих людей непременно опоздал бы. Но видела, где оказалось полезным время, которое только что выглядело потерянным.

На принимающем направлении подтвердили посадку группы с пилотного рейса. Автобус ушёл с двухминутной задержкой. У него тоже были пассажиры, которым пришлось ждать, и это время Миронова не скрыла в слове «согласовано».

Начальник колонны подошёл ближе.

— Соединились?

— Да.

— А этот, который жаловался?

— Пока контакта нет. Обращение записано.

Он посмотрел на диспетчерский лист, затем на экран.

— Ладно. На следующем обороте покажите, что с возвратом.

Когда он вышел, Миронова сняла очки и протёрла переносицу.

— Обычно сейчас было бы три звонка: почему сцепились, почему за ними никого и почему водитель не догоняет.

— Сегодня другие три, — сказала Ирина.

— Другие я согласна.

Она надела очки и приняла очередной вызов. Водитель первой машины сообщил причину долгой посадки у поликлиники. Миронова дополнила запись, сохранив первоначальную отметку: на момент удержания точная причина ещё не была подтверждена.

Ирина потянулась к чашке. Чай давно остыл, но впервые за утро она выпила его не между двумя словами, а несколькими спокойными глотками.

***

К своей контрольной поездке Ирина вышла из диспетчерской, когда небо уже посветлело.

У остановки пахло хлебом из киоска и влажной шерстью. Мужчина в рабочей куртке держал под мышкой плоский пластиковый футляр, женщина рядом пыталась одной рукой застегнуть ребёнку воротник. Автобус ещё не пришёл. На табло было время ближайшего отправления и короткое сообщение о порядке пересадки.

Наблюдательница стояла под краем навеса с телефоном на шнурке.

— Вы Шахова? Вас как отдельную контрольную поездку отмечаю?

— Да. Не прибавляйте меня к независимым пассажирским наблюдениям.

— Я помню. Приход на остановку сейчас?

Ирина назвала время. Женщина записала и снова повернулась к дороге.

Автобус подошёл в объявленном окне. Люди поднялись в салон без спешки, но места быстро заняли. Ирина села у прохода, поставив сумку между ботинками. Мужчина с футляром устроился напротив.

Он достал телефон и сказал кому-то:

— Уже еду. Нет, у магазина не жди. На проходную сам успеваю.

Убрал телефон, заметил наблюдательницу за стеклом и спросил Ирину:

— Это неделю будут смотреть?

— Семь дней.

— А потом?

— Потом по результатам решат, что оставить.

Мужчина кивнул без особого доверия.

— Мне бы не каждое утро за час выходить. Я сегодня рискнул по новому. Жена сказала: хоть раз позавтракаешь сидя.

— Во сколько вам?

Он назвал время начала работы у северного учебно-производственного корпуса. До проходной от трамвая оставался короткий ровный путь. Ирина знала его по субботнему проезду.

— Запас есть, — сказала она. — Но я только про нынешнее расписание.

— Да я не с вас расписку беру.

На следующей остановке вошли ещё люди. Водитель дождался, пока пожилая женщина с двумя сумками сядет, и лишь потом закрыл двери. Посадка заняла дольше, чем на исходной схеме. В исправленном времени для этого оставалось место.

Ирина поймала себя на том, что считает секунды по привычке, хотя записывать их должен был человек на посту. Она убрала часы под рукав.

У старого универмага девушка спросила, успеет ли перейти на северный автобус.

— На этот через лестницу не обещаем, — ответил водитель. — Прямой рейс будет следом, время на остановке указано. Либо с нами до кольца и на трамвай.

— А прямой во сколько?

Он назвал время. Девушка взглянула на телефон.

— Тогда я здесь. Мне ещё заказ забрать.

Она вышла и направилась к открывавшемуся магазину, не вглядываясь вслед автобусу. Ей дали не самый быстрый путь, зато такой, под который можно было устроить ближайшие пятнадцать минут.

На остановке оставался мужчина с тростью. Он спросил у наблюдательницы про тот же прямой рейс. Ирина увидела, как женщина показала ему строку расписания. Короткая лестница за универмагом была мокрой, на ступенях лежали прилипшие листья. В субботу выигрыш через неё выглядел убедительно лишь до тех пор, пока они не вышли из автобуса.

У кольца Ирина спустилась вместе с мужчиной с футляром. На пересадочной площадке было теснее, чем во время проверки: школьники стояли группой у края навеса, двое рабочих переносили длинный свёрток, стараясь никого не задеть.

Наблюдатель здесь успевал записывать только приход транспорта, посадку и тех, кто оставался на остановке. Ирина не стала задерживать его вопросами. Прошла по проверенному пути к трамваю.

Вагон подошёл через несколько минут. Люди, приехавшие с ней, вошли; у средней двери осталось свободное место, но сидеть уже было негде. Ирина держалась за поручень левой рукой. На правом ухе под дужкой очков потеплел аппарат; она чуть поправила его и услышала сквозь гул колёс обрывок разговора школьников о забытом альбоме.

Поездка не ощущалась испытанием. Никто не знал, сколько раз они правили время у поликлиники и почему отказались от лестницы. Мужчина с футляром считал что-то в телефоне. Женщина у окна ела маленькое яблоко, придерживая бумажной салфеткой.

На северной остановке мужчина вышел первым, но у перехода дождался зелёного. Ирина прошла следом до учебно-производственного корпуса. Наблюдатель у проходной сверил условный номер её контрольной поездки и записал прибытие.

Мужчина с футляром достал пропуск.

— Семь минут осталось, — сказал он, скорее себе. — Ещё переодеться успею.

— Вы согласны, чтобы время вашей поездки записали? — спросил наблюдатель.

— Время пишите. Только меня с этой коробкой не снимайте.

Он махнул футляром и исчез за турникетом. Благодарить ему было некогда.

Ирина сообщила о завершении своей поездки дежурному. Посадка, переход, трамвай, прибытие — теперь между этими отметками был пройденный ею путь, а не линия на схеме.

Пока она стояла у проходной, пришло уточнение с остановки у универмага: прямой рейс подошёл, мужчина с тростью сел. До его цели наблюдение не продолжалось. Ирина оставила запись именно такой. Ей было приятно уже то, что он не пошёл к лестнице ради обещания, которое они не сумели бы выполнить.

На обратном пути она купила в киоске булку с сыром. Продавщица спросила, разогреть ли.

— Да, — ответила Ирина и только потом проверила часы.

До следующей встречи оставалось достаточно времени, чтобы подождать.

***

К концу основных контрольных окон на столе Мироновой появились крошки от печенья, три пустые чашки и стопка фактических заданий.

Диспетчер передала рабочее место сменщице, но осталась на короткий разбор. Дарья приехала с ноутбуком и сразу попросила не закрывать утренний участок журнала.

— Мне нужны те четыре минуты целиком. С решением, ответом принимающего диспетчера и жалобой.

— Всё здесь, — сказала Миронова. — Пассажир потом написал. Он опоздал на три минуты, просит объяснить, почему должен был ждать ради другого автобуса.

— Ответ кто готовит?

— Перевозчик. Время подтвердили. Про его проходную знаем только с его слов.

Дарья открыла карточку.

— Так и оставим. Не будем превращать её в удачную поездку из-за того, что пересадка состоялась.

Ирина села напротив. За окном медленно темнело. День оказался длинным, но не распался на непрерывную тревогу: она успела поесть, проехать весь путь и вернуться к назначенному часу.

Дарья показывала результаты не одним числом. На выбранных точках уменьшились длинные промежутки без автобуса; несколько пересадок, прежде зависевших от случайного совпадения, состоялись в объявленных пределах. На одном окне разницы почти не было. По другому данных ещё не хватало: наблюдатель закончил в согласованное время, а поздние записи поступили только от перевозчика.

Были и две несостоявшиеся поездки. В одном случае человек ушёл после ожидания; автобус пришёл позже, когда его уже не было. В другом пассажир добрался до пересадки, но выбранный им дальнейший рейс не входил в согласованную связку и ушёл раньше. На уведомлении это было написано недостаточно понятно.

— Здесь надо исправить текст, — сказала Ирина. — Он мог решить, что обещают любую пересадку на север.

— Согласна, — ответила Дарья. — Но сегодняшнюю строку это не исправит.

— Сегодняшнюю оставляем.

Миронова пододвинула фактические задания.

— Все восемь. В контрольных периодах посторонних машин в пилоте нет. Подмен из резерва тоже. По остальному дню журнал у смены, выгрузку подготовят.

Дарья сверила перечень. Постоянные идентификаторы были привязаны к назначениям ещё при подготовке; теперь рядом появились времена работы. Ирина видела восемь отдельных строк, не восемь красивых значков на общей карте.

В дверь заглянула Нина, уже в застёгнутой куртке.

— Я сдала. Нужно что-нибудь от меня?

— На минуту, — попросила Дарья. — Утреннее удержание как сказалось на перерыве?

— Никак. На следующем обороте вернулась в свой коридор. Обед был. Закончила по заданию.

Миронова показала отметки смены и передачи машины. Нина проверила время, кивнула.

— Претензии были, — сказала она. — И ещё будут. Людям не нравится стоять, когда дорога пустая.

— А вам? — спросила Ирина.

Нина подумала.

— Стоять и объяснять неприятно. Но догонять автобус, который всё равно вижу перед собой, хуже. Сегодня хотя бы знала, для чего делаю.

Она поправила ремень сумки.

— Завтра текст про ожидание чуть короче сделайте. Пока говоришь, половина уже решила, что сломались.

Дарья записала.

— Сейчас подготовим.

Нина ушла. Её не попросили задержаться ради общего обсуждения, и Ирина с неожиданным удовольствием услышала, как за наружной дверью стихли её шаги.

Кравцов пришёл через несколько минут. Поздоровался, снял пальто и остался стоять у стола, просматривая предварительную сводку.

— Это уже можно отправлять заказчику?

— После проверки ссылок, — сказала Дарья. — Здесь только завершённые окна.

Он прочёл верхний абзац.

— «В наблюдавшихся периодах». «На выбранных точках». У нас получилось или мы всё ещё не знаем?

— Получилось, — ответила Ирина.

Дарья посмотрела на неё. Ирина продолжила:

— Люди доехали. Интервалы удержали. Пересадки, которые обещали, в этих случаях состоялись. Это можно написать прямо.

Кравцов положил лист на стол.

— Тогда так и давайте. Подтверждена эффективность обслуживания при прежнем ресурсе.

— За первый день, — сказала Дарья. — И в пределах проверки. Недельную устойчивость мы не проверили.

— Я не прошу написать за неделю. Но слово «эффективность» ведь не запрещено?

— Если рядом указано, что именно измерили.

Он сел, подвинув стул носком ботинка.

— Мне нужно объяснить, ради чего мы меняли работу всей смены. Не только перечислить ограничения.

Миронова молча повернула к нему утреннюю запись. Две минуты между автобусами, решение об удержании, подтверждённая пересадка, последующая посадка у школы. Кравцов прочёл её внимательнее, чем сводку.

— Вот это понятно.

— Тогда это и объясним, — сказала Ирина.

Они переделали первый абзац. Улучшение назвали реальным: более ровное движение и состоявшиеся поездки подтверждались наблюдениями и заданиями. Рядом оставили цену отдельных задержек, неудачные поездки и короткий срок проверки. Вывода по всему городу не появилось.

Кравцов попросил прислать согласованный текст ему и заказчику одновременно. Перед уходом задержался возле Дарьи.

— Завтра хотелось бы не хуже.

— Завтра посмотрим отдельно, — ответила она.

Он кивнул, словно принял рабочую оговорку, и забрал пальто.

Миронова ушла вслед за ним. Сменщица за перегородкой принимала вечерний вызов; в её голосе слышалось нетерпение, но слова были точными. Она уточнила место задержки, затем попросила водителя назвать, успевает ли он к следующему заданию. Рабочий порядок продолжался уже без тех, кто утром его запускал.

Дарья закрыла последнюю карточку и откинулась на спинку стула.

— Я боялась, что люди будут только ждать в другом месте.

— Некоторые и ждали.

— Да. Но не только.

Ирина кивнула. Перед глазами оставался мужчина у проходной, успевший переодеться до начала работы. Не спасённый, не вывезенный, не принятый по особому основанию. Просто пришедший вовремя.

— На завтра что меняем? — спросила она.

— Объявление в салоне. Текст про пересадки. Само правило пока не трогаем: ещё день нужен. И просим сохранить задания с изменениями, не только итоговые.

— Я утром здесь сидеть не буду. Приеду к своему окну.

— Хорошо.

Дарья произнесла это сразу, без вопроса, кто тогда всё проверит. Ирина почувствовала усталость в ногах и потянулась за курткой.

Сегодня не пришлось никого убеждать выйти за предел допуска, искать подпись ночью или просить человека остаться после смены. Нина ушла домой. Пассажиры добрались до работы, учёбы, своих дел. Не все и не одинаково удобно, но достаточно многие, чтобы это стоило беречь.

У двери Ирина остановилась, пропуская сотрудницу с папкой вечерних заданий. Та вошла, поздоровалась со сменщицей и положила листы на свободный край стола.

На улице зажглись фонари. К остановке шли люди, которым ещё предстояло ехать домой. Ирина посмотрела на время следующего автобуса и не стала прибавлять к дороге запасной час. Ей хотелось, чтобы завтра можно было сделать так же.

Глава 6. Без запасного часа

В половине пятого Вера уже надела куртку и только у двери вспомнила, что собиралась уходить через сорок минут.

Она постояла с ключом от кабинета в руке.

До Оксаны было два автобуса и переход между остановками. Вчера Вера ещё раз проверила путь: если выйти из школы в назначенное время, оставалось десять минут на последний пеший отрезок. Не нужно было бежать, просить подождать или приезжать заранее и гулять под окнами. Всё выглядело разумно. Поэтому особенно хотелось выйти сейчас.

Из соседнего кабинета донёсся шум передвигаемых стульев. В коридоре двое семиклассников пытались засунуть в один чехол три свёрнутых плаката.

— По очереди, — сказала Вера.

— Мы пробовали.

— А в разные чехлы?

Один из мальчиков поднял второй, пустой, и виновато улыбнулся.

Вера вернулась к столу, сняла куртку. На завтра оставались карточки к практической работе. Она собиралась разрезать их дома, между ужином и проверкой тетрадей; теперь успевала здесь. Резак стоял в методическом шкафу, тяжёлый, с тусклой разметкой. Вера прижала линейкой стопку и опустила нож.

Телефон лежал рядом. Она не открывала расписание после каждого листа, хотя несколько раз тянулась.

Без десяти пять карточки были готовы. Вера разложила их по конвертам, подписала классы и убрала в ящик. На вечер стало одним делом меньше. Она ещё успела вымыть чашку, которую обычно оставляла до утра.

На остановку пришла за четыре минуты до начала объявленного окна. Под навесом стояли женщина с горшком хризантем и парень в расстёгнутой куртке, прижимавший к груди папку. Вера узнала прозрачный карман с новым расписанием. Внизу был номер для вопросов о движении; её личного телефона там не было.

Автобус показался из-за перекрёстка, когда женщина переставляла цветок в другую руку.

Вера машинально посмотрела на время. Потом убрала телефон. Сегодня она не занимала наблюдательского поста. Ей не требовалось считать вошедших или выяснять, почему мужчина у киоска остался на месте.

В салоне было тепло и тесно возле передней двери, но дальше нашлось сиденье. Вера поставила сумку на колени. Бумажный пакет с пирожными пришлось держать отдельно: она купила их по дороге от школы и теперь боялась продавить крышку локтем.

На площадке у мастерских автобус задержался. Вера уже подняла голову, ожидая длинного объяснения, но водитель сказал:

— Стоим до назначенного отправления. Следующая согласованная пересадка — у площади. Время указано на экране.

И выключил микрофон.

Женщина с цветком придвинула горшок к стеклу, чтобы не задевать соседку. Парень достал из папки лист с рисунком и начал стирать что-то на полях. Никто не спрашивал Веру, правильно ли они стоят.

У площади пришлось дождаться зелёного сигнала. Принимающий автобус ещё не подошёл; электронная строка показывала три минуты. Вера перешла дорогу обычным шагом, не придерживая сумку локтем и не прикидывая, сколько времени потеряет, если дверь закроется перед ней. Автобус пришёл, пока она поправляла бумажную ручку пакета.

На мосту Металлургов движение замедлилось. В тёмной воде Яры отражалась цепочка фонарей. Северный берег поднимался из сумерек окнами, вывесками, жёлтыми прямоугольниками остановок. Вера знала, где сейчас следовало начать писать Оксане: «Я еду, только не знаю, насколько задержусь». Раньше такое сообщение почти всегда появлялось здесь.

Она открыла их переписку и вместо этого написала:

«Буду к шести. Пирожные везу целыми, пока».

Оксана ответила:

«Тогда не тряси».

Вера рассмеялась и прикрыла пакет ладонью.

К нужному подъезду она подошла без четырёх шесть. На телефоне осталась заметка с временем двух посадок — Вера всё-таки сделала её, больше для себя. К ней она добавила: «Личная поездка, вне назначенного наблюдения». Одного её удачного пути было мало для вывода о работе всего вечера. Но для встречи с Оксаной хватало.

Она нажала кнопку домофона.

— Кто?

— Человек с неповреждённым кремом.

— Это ещё надо посмотреть.

Замок щёлкнул. Вера вошла в подъезд, не произнося извинений.

***

Оксана открыла дверь с полотняной полосой на плече.

— Ровно, — сказала она, взглянув на часы.

— Я же написала.

— Написать можно из любого места. Разувайся. Только пакет сначала отдай, а то ты сейчас на него сядешь.

В комнате у окна стоял раскройный стол. На нём лежали широкие полосы ткани, несколько прямоугольников картона и короткий карандаш, обмотанный ниткой. Новая лампа освещала рабочую поверхность, не светя в лицо. На подоконнике рос тот же цветок, возле которого весной поправляли старую занавеску; теперь ему стало тесно в горшке.

— Вот зачем ты мне нужна.

Оксана показала два куска ткани, наброшенные на стул. Один был серо-зелёным, второй — охристым, с крупными тёмными листьями.

— Скажи, что этот ужасный.

— Какой?

— С листьями.

Вера посмотрела внимательнее.

— Мне нравится.

— Я знала, что нельзя тебя звать.

Ткань предназначалась для чехлов на кухонные стулья. Оксана уже сняла размеры, сделала выкройку и оставила выбор до вечера, будто без чужого суждения ножницы не могли начать работу.

— Серый практичнее, — сказала она.

— Ты меня позвала подтвердить решение?

— Нет. Помочь подержать. Подтверждение было бы приятным дополнением.

Они сняли со стула старую подушку. Вера придерживала ткань, пока Оксана расправляла её по углам. Узор с листьями на плоскости выглядел шумным, а на сиденье оказался почти спокойным. Оксана отошла к двери, вернулась, присела.

— Ладно. Один сделаем с листьями. На пробу.

— А потом остальные будут серыми, чтобы помнить об ошибке?

— Остальные будут такими, какие я захочу.

Она произнесла это без прежней настороженности, легко. Вера тоже не стала искать в ответе ничего, кроме стульев.

Пока Оксана размечала припуск, Вера держала край полотна. Из кухни пахло запечённым луком. На холодильнике висели два заказных листка и маленький календарь с обведённой субботой.

— В субботу что?

— Муж у сестры шкаф собирает. Я написала, чтобы не принять заказ на весь день и потом не обнаружить, что он обещал меня с собой.

— Поможешь?

— Если до обеда закончу. Я согласна чай пить, а не шкафы держать. Пусть правильно рассчитывает состав бригады.

Вера улыбнулась. Оксана вырезала первый чехол, стряхнула нитку с ножниц.

— А вчера мужчина брюки принёс. Говорит: укоротить как обычно.

— Он у тебя раньше был?

— Ни разу. Я спрашиваю, сколько убрать. Он говорит: «Ну вы же специалист». Стоит передо мной в других брюках и всё ждёт, что я его длину по лицу определю.

— Определила?

— По ботинкам. Сначала заставила из пакета достать.

Оксана рассказывала, прикладывая следующую выкройку, и Вера вдруг заметила, что не слушает вполуха. Не держит в уме обратный автобус, не вычисляет момент, когда надо встать из-за стола. Раньше половину таких разговоров занимало: «Ты откуда ехала?», «Долго ждала?», «Тебе уже пора?» Сегодня можно было узнать, чем закончилась история с брюками.

На кухне Оксана достала пирог и поставила рядом пирожные.

— Ты на машине когда снова сможешь? — спросила Вера, увидев на холодильнике листок с номером ремонтной мастерской.

— Пока не знаю. По кузову сделали не всё, потом ещё проверка. Мне предлагают сначала забрать, а записаться на проверку отдельно. Я сказала: пусть закончат и скажут, что действительно готово.

— Дорого выходит?

— Больше, чем хотелось. Но я уже начала, теперь надо довести. Не спрашивай только, почему не купила другую.

— Я не собиралась.

— Все собираются. А потом узнают, сколько стоит другая, и перестают.

Она разрезала пирог. Возвращённый автомобиль ещё не стоял под окнами и не решал сегодняшних поездок. За тканью Оксана ездила автобусом, большие рулоны просила доставлять. Иногда отказывалась от материала, который нужно было срочно забрать самой. Здесь у неё уже появились постоянные заказчики, но весь быт не стал удобным одновременно.

— Хорошо, что сегодня доехала, — сказала Оксана. — А то я в прошлый раз уже пирог убрала, ты только с моста написала.

— Сегодня и пересадка совпала.

— Пусть совпадает. Я не возражаю.

Вера засмеялась. Можно было бы спросить разрешения привести эту фразу в вечерней сводке. Или сфотографировать стол, пирог, часы — готовую картинку того, для чего меняли правила. Она даже знала, как охотно такую картинку возьмут.

Вместо этого попросила ещё кусок.

Они успели сметать первый чехол и примерить его на стул. Оксана села, покрутилась, проверяя, не тянет ли край.

— Ну?

— Теперь кухня весёлая.

— Это не всегда достоинство.

— Ты сама выбрала.

— При свидетеле, который давил.

Вера собрала обрезки в коробку. Два больших Оксана велела оставить сверху, мелкие — убрать в пакет. У этой ткани уже было своё место, и не требовалось писать на коробке, куда её повезут.

Когда Вера надела куртку, Оксана спросила:

— Тебе бежать?

— Нет. Я ещё в книжный успеваю. Потом с мамой встречусь.

— Тогда возьми ей пирожное.

— Я же принесла.

— И что? Здесь уже моё. Я делюсь.

Вера взяла маленькую коробку. На лестнице проверила время: они провели вместе больше часа, и ни одна из них не начинала прощаться заранее.

***

Книжный закрывался в восемь. Вера пришла за двадцать минут до закрытия и впервые за несколько месяцев пошла не к полке с пособиями.

Ей нужна была книга, которую она отложила ещё в пятницу: рассказы, с крупным белым пятном на обложке. Продавец достал её из-под стойки.

— Вы всё-таки успели.

— Да.

— Я завтра собирался звонить.

Вера полистала книгу. Несколько строк прочла стоя, потом закрыла, чтобы не начать выбирать заново. В телефоне было достаточно непрочитанного; бумажную книгу хотелось купить именно для того, чтобы она не присылала уведомлений.

Ирина ждала у маленькой кофейни через две двери. На улице похолодало, и мать натянула шарф до подбородка. Вера заметила её раньше, чем та обернулась: знакомые ботинки, сумка на сгибе руки, внимательный взгляд на выходящих из автобуса людей.

— Ты давно?

— Минут пять. У Оксаны всё нормально?

— Да. Держи. Она тебе передала.

Ирина посмотрела на коробку.

— Ты опять отнесла еду и принесла обратно?

— Это другая стадия обращения.

Они вошли в кофейню. Вера выбрала стол у стены, подальше от кофемолки, и села так, чтобы мать могла повернуться к ней левым ухом. Ирина сняла шарф, поправила дужку очков.

— На пересадке сколько ждала?

— Три минуты по табло. Примерно столько и было.

— А переход успела спокойно? Там после школы…

— Мам.

Ирина остановилась.

— Я не проверяю.

— Пока похоже.

Мать опустила взгляд на коробку и пальцем подцепила бумажный замок.

— Ладно. Что купила?

Вера показала книгу. Ирина прочла оборот обложки.

— У тебя такие уже есть?

— Другие рассказы. Эти новые для меня.

— Я всё собираюсь ту, что ты дала, дочитать.

— Тебе не понравилась?

— Понравилась. Я вечером открываю, а потом не помню, что прочла. По три раза одно место.

— Значит, выгодная книга. Надолго хватает.

Ирина улыбнулась и передала ей обложку. Заказали чай. Пирожное пришлось делить деревянной вилкой: оно мялось, крем оставался на картоне, и в конце Вера просто развернула коробку так, чтобы каждой было удобно доставать со своей стороны.

Мать рассказала про соседку, которая решила заменить входную дверь и теперь ходила по подъезду с двумя образцами покрытия. На одном почти не были видны отпечатки пальцев, на другом красивее смотрелся номер квартиры.

— Ты что выбрала?

— Я ничего не выбирала. Она мне в лифте показала.

— И ты промолчала?

— Я сказала, что на тёмной царапины заметнее.

— То есть дала техническое заключение.

— Краткое.

Вера засмеялась. Ирина тоже, тихо, прикрыв рот салфеткой.

Телефон завибрировал возле чашки. Светлана, дежурившая вечером у наблюдателей, спрашивала, как отметить карточку: человек подтвердил посадку, но на условленное сообщение о прибытии пока не ответил. Вера открыла переписку.

«Оставить прибытие неподтверждённым. Повторить связь в согласованное время. Дальше принимает вечерний дежурный, он в графике».

Она переслала вопрос с номером карточки, дождалась короткого «принято» и убрала телефон.

— Надо ехать? — спросила Ирина.

— Нет.

— Я могу по дороге…

— Уже приняли.

Мать кивнула. Но Вера видела, что у неё осталось несказанное предложение: отвезти лист, кого-нибудь подменить, воспользоваться тем, что они обе сегодня освободились не слишком поздно. Ирина взяла чашку обеими руками и не договорила.

Под рабочим сообщением лежало письмо от «Свода» с письменными условиями участия в совете. Вера прочла его днём только до середины. Отдельно оплачиваемые часы, заранее назначенные встречи, доступ к материалам перед обсуждением. Порядок собственных сообщений ещё требовал уточнения. Сейчас она не открыла письмо, но впервые представляла предлагаемое время так же ясно, как эти двадцать минут за столом: не вырванное между уроками и чужим вопросом, не занятое с разрешения самой себя.

— Завтра у тебя рано? — спросила Ирина.

— К первому. Но карточки я сегодня в школе сделала.

— Тогда хоть вечером не сидеть.

— Почитаю.

— Хорошо.

Мать сказала это без оговорки. Вера допила чай, чувствуя неожиданную благодарность за простое отсутствие следующего вопроса.

На улице они разошлись у перекрёстка: Ирине — к остановке, Вере — к своему автобусу на соседней улице. Мать не попросила сообщить весь путь. Только подняла руку, когда загорелся зелёный.

Вера шла с книгой под мышкой. Её ещё предстояло открыть, и до сна оставалось время.

***

Дарья сократила объявление до двух предложений, прочла вслух и убрала ещё три слова.

За перегородкой транспортной диспетчерской принимали вечерние сообщения. Дверь в маленькую комнату разбора оставалась приоткрытой; каждый раз, когда кто-то входил с улицы, по полу тянуло холодом. Дарья сидела на ноге, спрятав ступню в ярком шерстяном носке под колено. Ботинок стоял рядом со стулом.

Смена передала ей отзыв Нины: короткое объявление люди хотя бы дослушивали. Нина попросила только не использовать слово «интервальное» — пока его произнесёшь, уже спрашивают, почему не едут.

Дарья заменила его на «по распоряжению диспетчера». Основание оставалось в рабочей записи; пассажиру требовалось знать время и что будет дальше.

На втором экране были понедельничные карточки. За день пришли уточнения: одна дальнейшая поездка получила подтверждение, по другой человек не согласился на повторный звонок. Дарья оставила её незавершённой. Обе вчерашние неудачи тоже остались на месте. Пассажир, ушедший до прихода автобуса, не превращался в доставленного оттого, что автобус всё-таки прошёл.

Рабочие задания за оставшуюся часть понедельника поступили после обеда. По переданным записям состав пилота оставался исходным. Это добавляло уверенности в первом дне, но не заполняло соседнюю папку с вторничными сообщениями.

Сегодня пассажиры снова садились, пересаживались, доходили до работы и домой. Несколько наблюдателей уже завершили окна. Прибывшие карточки выглядели хорошо — не все, но достаточно, чтобы Дарья ловила себя на желании открыть именно их.

Она вывела оба дня рядом и убрала автоматический общий итог.

Позвонила сотрудница заказчика, готовившая ресурсную сверку.

— Форму выпуска за сегодня отправила. Сорок по объединению. Закрепление внутри есть.

— Фактические задания с изменениями?

— Диспетчерская отдаёт отдельно. Нужно связать с машинами, у них другой ключ в выгрузке.

— К завтрашней сверке успеете?

— По заданиям — да. По рабочему времени ждём подтверждения от перевозчика.

Дарья развернула список запрошенных полей.

— Не только начало рейса и конец. Выход на работу, возвращение, смены на маршруте, дополнительные назначения.

— Запрос у них есть. В открытый комплект фамилии не пойдут.

— Мне нужны связанные служебные коды. Чтобы не приписать весь день автобуса одному человеку.

— Это тоже передали.

Дарья провела ладонью по старому следу перелома. Раздельные ответы ещё не составляли баланса. Сорок выпущенных машин ничего не говорили о том, сколько времени каждая провела на конкретном направлении. Ведомость выполненных технических работ тоже должна была прийти от своего владельца; сейчас у неё были текущие отметки, а не полная связка с заданиями.

— На одиннадцать подтверждаете? — спросила она.

— Да. Если что-то не сведём, покажем отдельно.

— Только пришлите исходные части до начала. Не одну итоговую таблицу.

Она записала срок и позвонила Елене.

Та ответила не сразу. Было слышно, как закрылась дверь, затем шум стал тише.

— Сверка остаётся на одиннадцать, — сказала Дарья. — Заказчик подтверждает. Полного сопоставления сегодня не будет.

— Уведомления об отклонениях?

— Существенных для программы не поступило. Это не значит, что их нет.

— Я знаю. Что ты предлагаешь?

Дарья смотрела на два окна. В левом был проверенный понедельник, в правом — сегодняшний день, ещё не собранный целиком. На столе лежала распечатка программы с её собственными пометками. Срок первой общей сверки не переносили: именно такую задержку она согласилась принять до запуска.

— Продолжить на один цикл. Завтра до сверки не давать вывод о сохранении исходного ресурса за вторник. Запросы не закрывать.

— Ты вправе приостановить нашу поддержку до комплекта.

— Знаю.

— Я не уговариваю. Мне нужно твоё решение.

Дарья поставила ногу на пол и нащупала ботинок. Если приостановить поддержку сейчас, это не остановит автобусы по её звонку. Понадобится уведомить заказчика, объяснить, каких подтверждений нет и почему ранее согласованного срока больше недостаточно. Основание было серьёзным: вторничная польза уже поступала к ним быстрее, чем сведения о её цене.

Но технический допуск оставался у своей службы, трудовой учёт — у перевозчика, обязанность сообщать изменения была закреплена. Независимые наблюдатели не могли видеть всё объединение, зато на своих точках записывали не только удачи. У Дарьи пока не было конкретного расхождения, ради которого следовало отступить от принятого порядка.

— Продолжаю, — сказала она. — До завтра, одиннадцати. Если к сверке вместо связанных данных снова будет только общий выпуск, я не продлеваю это решение ещё на день. И при существенном сообщении пересматриваем раньше.

— Запиши так. Я приложу к запросу свой перечень недостающего. Сроки получения тоже.

— Хорошо.

Елена помолчала.

— По понедельнику ничего не убирай. Не надо делать вид, что мы и вчерашнего результата не знаем.

— Не собиралась.

После разговора Дарья несколько минут правила рабочий вывод. Первый день описала отдельно: что удалось проверить по машинам и заданиям, какие поездки подтвердились, где люди потеряли время. Вторничные наблюдения оставила предварительными до ресурсной сверки. Внизу стояло: «Устойчивость результата на протяжении недели не проверена».

Из комнаты диспетчеров донёсся короткий разговор о задержке. Дежурная уточнила время следующего отправления, попросила предупредить пассажиров и приняла подтверждение. Не понадобилось ни Дарьи, ни Ирины. Правило уже выполняли люди, которым предстояло работать здесь после окончания опыта.

Дарья прислушалась, хотя слов дальше не разобрала.

Она приложила перечень недостающих данных, указала завтрашние одиннадцать и отправила рабочую записку Елене и заказчику. Затем сохранила короткое объявление для согласования с диспетчерской.

На экране осталась сегодняшняя карточка: человек приехал к назначенному часу. Обычная строка, один подтверждённый путь. Дарья не включила её в доказательство прежнего ресурса и не могла по ней обещать завтрашний день.

И всё же, закрывая ноутбук, она думала прежде всего о том, что завтра человеку снова должно быть так же удобно.

Глава 7. Та же машина

Автобус с белым прямоугольником под боковым номером прошёл к площади второй раз.

Тимур посмотрел вслед, потом — на лист под прозрачной обложкой. По выписке машина должна была закончить временное задание на этом плече ещё до начала вечернего окна. Первый проход он объяснил задержкой. Между первым и вторым автобус успел бы не только высадить пассажиров.

У остановки хлопнула дверь павильона. Женщина, державшая её плечом, вытянула наружу хозяйственную сумку и направилась к посадке. Тимур отступил от края тротуара. Автобус остановился, на боковом указателе осталось направление к площади. Над средней дверью горела лампа.

Он записал время по телефону — 17:42. Бортовой номер: 214. Белая заплата под цифрами, тёмная накладка у нижнего угла двери. Приметы годились, чтобы не полагаться только на память, но не давали права назвать машину установленной.

Наблюдательница у павильона подняла голову:

— Этот раньше уже был.

— Был.

— Значит, добавили?

— Пока не знаю.

Ей хотелось поставить отметку. Тимур видел, как она держала ручку над клеткой.

— Проход запишите. Вы же его видели. А откуда взяли автобус — отдельно спросим.

Она вписала время. Пассажиры поднимались без спешки: после двух тесных утренних поездок вечернее окно пока давало место даже тем, кто приходил к самому отправлению. Мужчина с длинным пластиковым коробом протиснулся к задней площадке, поднял короб вертикально. Дверь закрылась не сразу — водитель дождался, пока тот уберёт руку.

Тимур не стал подходить к кабине.

У служебного столбика стоял линейный контролёр перевозчика. Он только что закончил разговор по телефону и теперь пытался надеть перчатку, не выпуская из другой руки лист с отправлениями.

— Можно уточнить по двести четырнадцатому? — спросил Тимур.

— Что случилось?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.